

Евгений Шалашов

НЕВЕСТА НАЁМНИКА

Солдат всегда мечтает стать генералом, оруженосец — рыцарем, а принц — королем. Но из любого правила бывают исключения. Двадцать лет назад юный граф д'Арто просто не вернулся домой. А в отряде «псов войны» появился наемник Артакс. Он служил под знаменами всех королей, сидел в осадах и защищал города, пережил почти всех своих врагов и давно стал легендой. Его трудно убить. Еще труднее — обмануть. Но даже опытного наемника можно предать...

**Бей первым
и надейся на лучшее...**

ВСТАВКА ОТ ОЛЕГЕР ЕЖИЗНАЕВ

Евгений Васильевич Шалашов
Невеста наемника
Серия «Хлеб наемника», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468580
Е. Шалашов. Невеста наемника: Центрполиграф;
ISBN 978-5-227-08429-3

Аннотация

Мог ли подумать доцент провинциального вуза, что его давняя мечта – поездка в зимний Крым – обернется путешествием сквозь пространство и время? Что он попадет в тело наемника Артакса и станет своим в мире меча и магии? Мире, где огромное насекомое может быть уважаемым ростовщиком, где шойзели строят мосты, а гномы делают сыр. Но лишь одно неизменно в любом мире – настоящая любовь и верность данному слову.

Содержание

Глава первая. Город Урштадт и его обитатели	5
Глава вторая. Приложение к недвижимости	38
Глава третья. Невеста с претензиями	71
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Евгений Шалашов

Невеста наемника

Евгений Шалашов

* * *

Глава первая. Город Урштадт и его обитатели

Дел у меня было немного, но все важные. Если оставаться в городе надолго, пускать корни, то надобно как-то устроиться. Итак, что мне следует сделать? Во-первых, отыскать постоянное жилье – гостиница, она и есть гостиница, а мне бы хотелось что-то свое. Если не купить, так хотя бы нанять. Но это не срочно. Затем (во-вторых!) – придумать, куда деть кургузого мерина. Я его приобрел как выючную лошадь, чтобы не загружать гнедого неподобающей тяжестью. Предполагал, что по минованию надобности продам, а теперь стало жалко. Кургузый-то он кургузый, зато сильный! Тащил на себе доспехи и серебро, а еще и мешок с овсом. Может, оставить себе? Гневко его особо не обижал – лягнул пару раз, чтобы обозначить собственное старшинство, да снисходительно тяпнул за холку. Мерин, стоящий в лошадиной иерархии ниже жеребца, стерпел. Ну а потом, по мере того, как мы двигались из Швабсонии, жеребец и мерин сдружились настолько, что могли есть из одних яслей. Значит, в одной конюшне уживутся, а два коня – это лучше, чем один. Решено – мерина оставляю себе! Но вначале нужно куда-то пристроить деньги. Это важнее, нежели первое и второе.

Завтрак был подан в номер. Хозяин, которому я по при-

езду высказал свои пожелания, ничего не перепутал. Яйца сварены всмятку, масло свежее, хлеб теплый.

Спустившись вниз, проверил, как там мои парни. Оба в порядке – морды довольные, овса вдоволь, навоз убран. Погладил по лбу гнедого, осмотрел денник. Мешки, сложенные в углу, были на месте.

В последнее время мы с Гневко жили спокойно. Никого не трогали, никуда не бежали и приключений не искали. Сколько можно за кем-то бегать, кого-то спасать? Надоело. Пора подумать о спокойной жизни. В сущности, что мне нужно? Слава? Любовь к прекрасной даме? Деньги?

Вера в любовь улетучилась давным-давно, после первого посещения борделя. Слава спасителя отечества, которому благодарные потомки ставят памятник, мне тоже не светила. Памятники ставят лишь тем, кто гонит солдат на убой, а не тем, кто подыхает. Нет уж, не надо мне такой славы. Уже одно то, что за двадцать лет службы остался жив – так это для людей моей профессии великое достижение. Что остается?

Мне – чистое белье, вкусная еда, жеребцу – теплое стойло со свежим сеном и отборным овсом. Не так уж и много. Конечно, требовалось внимание противоположного пола. Но это тоже решаемо, были бы деньги. А они у нас были. Не хочу раскрывать все подробности (кое-кто знает, а другие обойдутся без лишнего знания) но добычи, доставшейся в наше последнее приключение, нам с жеребцом хватит на много лет – даже не знаю, на сколько именно. Не проживу.

Мы решили обрести пристанище в хорошеньком городке Урштадт. Как мы туда попали? Да очень просто – по дороге. Правда, ехали долго. Почему именно здесь? А какая нам разница? Но чем-то заинтересовал меня этот городок, зацепил, привлек внимание. Может, необычным началом? При въезде в город, рядом со стражниками, стригущими деньги с въезжающих, стояла на небольшом постаменте скульптура веселого чертенка, с огромными часами в руках.

Чтобы тебе привалило счастье, нужно потерять у чертенка попу. Городская ратуша требовала, чтобы стража не подпускала к статуе искателей счастья, но задница все равно блесла.

Городок мне понравился. Широкие светлые улицы, сходящиеся под прямыми углами. Чувствовалось, что Урштадт рос не сам по себе, а по плану регулярной застройки. Позже я узнал, что именно так и было. Когда-то, лет так четырехста назад, а может – чуть больше, на этом месте была деревня. В долгие зимние вечера, когда урожай собран, овцы угнаны на горные пастбища, а желание заработать денегжат остается на месте, некий крестьянин Ганс (любят сказочники это имя, чего уж там!) познакомился с добрым чертенком по имени Урлекс и тот научил его делать часы. Не башенные великаны и не каминные монстры, а карманные. Что взамен потребовал чертенок, история умалчивает, но с тех пор городок славится своими часами. Хотите часики на рукоять меча? Неважно, что на эфесе они напрочь не нужны, но сделать

можем! Хотите в виде брошки или кулона для дамы сердца? Нет проблем! А жука в натуральную величину, с циферблатом вместо панциря? Платите.

Когда крестьяне превратились в ремесленников, они начали перестраивать деревушку. Улицы разметили так, чтобы дома стояли не вплитык друг к другу, когда в окно может сунуть нос любопытствующий сосед, не говоря уже о языках пламени, а на бросок камня. Получилось просторно и на сады места хватило.

Еще раз повторю – простор мне понравился больше, чем узкие улочки иных городков, где осел, растопырив уши, перегородит всю улицу! Что осталось неизменным – так это центральная площадь, где друг против друга стоят городская ратуша и кирха. Именно тут по воскресным дням шла самая бойкая торговля. Тут же выступали бродячие проповедники и разворачивали шатры комедианты, а иной раз ставили колодки для сварливых жен. Еще мне нравилась чистота на здешних улицах – где-то уже полностью вымощенных камнем, а где-то наполовину. Ратуша распорядилась, чтобы горожане содержали в порядке участки перед фасадами. Бюргеры, понятное дело, в воскресенье за кружкой пива, возмущались, а в понедельник уже начали исполнять приказ. Помучившись, пришли к выводу, что выложив улицы камнем, следить за чистотой будет проще.

Сегодня не было ни жонглеров, ни миннезингеров, зато горожан развлекал папаша Бульбах. Бедолага смиреннь-

ко стоял на четвереньках со спущенными штанами, обнажив белоснежную задницу, поросшую не особо густым мехом. Никто из бургеров не злорадствовал, все спешили пройти мимо, осеняя себя крестным знамением – не дай бог очутиться на этом месте! Даже зловредные мальчишки не пытались запустить камнем или репейником по завидной цели. Человек без штанов – зрелище не самое частое, но и не редкое. Ежели бургер вышел на площадь в таком виде, стало быть, признал себя несостоятельным банкротом. Теперь, по законам города, никто из кредиторов не имел права обращаться в суд и требовать арестовать имущество несостоятельного должника.

Со стороны может показаться, что рассчитаться за долги голой задницей – слишком просто. Просто-то оно просто, если бы ни одно «но». Теперь имя Бульбаха будет вымарано из реестра Гильдии и вычеркнуто из списка горожан. Он должен вместе с семьей покинуть город в течение двадцати четырех часов с момента натягивания штанов. Уходить можно только пешком, оставляя все движимое имущество городу.

Может, у папаши Бульбаха и отложены талеры, которые позволят ему поселиться в другом месте, завести новую лавку, но опять-таки, новости расходятся быстро и кто рискнет иметь дело с несостоятельным должником, опозорившим свое имя (а заодно и задницу)?

Заглядевшись, задумавшись о бренности бытия, я едва не забыл о том, что мне нужно. А мне была нужна жаба.

Я искал, но попадались розы, башмаки, ножницы, рога-лики с сосисками и невообразимое количество циферблатов. Вот, наконец-то, родимая! Нет, не то... Слишком она свежая и зеленая. Мне бы что-то посолиднее. Обойдя еще несколько кварталов, насмотревшись на желтых, зеленых и красных жаб, увековеченных в дереве, жести и стекле, нашел-таки искомую скотину, выбитую в камне и окрашенную в коричневый цвет. Сам камень оказался вмурованным в высокий дом – вместо окон узкие щели, а единственной выступающей частью было земноводное. Под ней, словно щербинка, прорезана дверца, на которой, конечно же, не было ни дверного молотка, ни окошечка. Я уже поднял кулак, как изнутри раздался голос:

– Вы по делу, или из любопытства?

– По делу, – кротко сообщил я.

– Получить или взять?

– Кхе-кхе, – строго отозвался я. Кто же отвечает на такие вопросы у порога? Хозяин голоса понял меня правильно, потому что дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы я смог туда протиснуться.

– Пожалуйста, поднимайтесь вверх. Осторожно, здесь темно.

Зараза, мог бы и раньше предупредить! Я едва не запнулся и не пропахал носом ступеньку. Но устоял на ногах и пошел вверх, понимая, что темнота и узкая винтовая лестница – это тоже способ защиты. Поднимаясь, мысленно похвалил

строителя, создавшего настоящую крепость. Прошло время, когда ростовщики сидели посреди шумных площадей, а за их деловыми операциями, вкупе с количеством денег, мог наблюдать каждый желающий. Теперь банком называют не массивную скамью с потайными ящиками (от мелкого ворюшки убережет, но не от пьяных ландскнехтов), а эти самые сооружения. Впрочем, как мне подсказывал опыт, от серьезных врагов ростовщика не убережет и крепость.

– Садитесь, господин рыцарь.

Глаза еще не привыкли к свету – пусть и неяркому, потому нашел предназначенный мне стул на ощупь. Проморгавшись, осмотрел помещение. Круглая комната, освещаемая скупыми лучами вечернего солнца, проникавшего через бойницы, огромный шкаф, стол, за которым сидел хозяин. М-да... Я, кажется понял, почему здесь сумрак. Ростовщик был не совсем обычен. Худой, очень высокий и, какой-то нескладный. Я и сам не маленький, но даже сидя, он возвышался надо мной на добрых два фута. На огромную голову надвинут капюшон, из-под которого виден лишь нос и выпяченные губы. Но самыми страшными были руки – невероятно длинные и, как мне показалось, с двумя суставами. Может, результат какой-то костной болезни? Не слышал, но кто его знает... Впрочем, какое мне дело до внешнего облика ростовщика? Мне нужно другое.

Справившись с первым впечатлением, я вежливо приподнял шляпу:

– Приветствую вас, господин...

– Мантиз, – подсказал ростовщик, потирая руки. – Мантиз из рода Инсекта.

Жест обычный, а если исходить из профессии – даже карикатурный, но исполнен странно. Словно, не человек потер ладонь о ладонь, а кузнечик пошевелил лапками.

– Рад вас приветствовать, – продолжил Мантиз, склоняя голову набок. Опять-таки – движение было быстрым, но странным, будто его выполнили в несколько приемов.

– Взаимно, – кивнул я, стараясь не смотреть на фигуру и, пытаюсь нащупать взглядом глаза ростовщика, но из-за глубоко надвинутого капюшона это не получилось.

– Позвольте, я угадаю, что привело вас сюда, – зашевелил губами-жвалами Мантиз. – Вам потребовалась крупная сумма денег? А в залог, вероятно, хотите оставить свое оружие? Или вы хотите заложить какое-то украшение?

Что же, господин ростовщик был человеком наблюдательным. Мои штаны и куртка были крепкими, но далеко не новыми. Под стать небогатому рыцарю. А если учесть, что я пришел пешком, так и совсем нищему. Ладно, поиграем немного.

– А крупная сумма, господин Мантиз – это сколько? – усмехнулся я.

– Если бы я мог взглянуть на ваш залог – оружие, драгоценности, сказал бы точнее.

Я вытащил из портупей меч и выложил на стол. Ростов-

щик, словно заправский оружейник, осмотрел простой эфес, а потом осторожно слегка выдвинул клинок из ножен.

– О! – не сдержался он от возгласа. Ну, еще бы. Мой меч был выкован из небесного железа.

– А кинжал? – поинтересовался Мантиз, но сам же ответил: – Не решаетесь расстаться со всем оружием сразу?

Ну, конечно же, не решаюсь. Даже в лавке, где вроде бы безопасно, остаться без оружия для меня все равно, что остаться голым.

– Я могу предложить вам три талера в залог меча, а если вы захотите продать – то и все пять.

Я хмыкнул, убирая ножны на своё место.

– Меч мне обошелся в пятьдесят талеров, кинжал – в пятнадцать.

– Шестьдесят пять талеров?! – ужаснулся Мантиз. – Но за такие деньги можно приобрести полный доспех и рыцарского коня в придачу.

Теперь настал черед удивиться мне. Какие-то странные цены. Мне мой доспех обошелся раза в четыре дороже. И без коня.

– Ладно, господин Мантиз, – прекратил я ненужный разговор. – Вообще-то я пришел по другому поводу. Мне хочется не взять у вас деньги, а напротив, хотелось бы их вложить.

Мантиз высунул голову из капюшона, словно черепаха из панциря. Еще раз оглядел меня, остановив взгляд на руках. Не увидев на них фамильных перстней, втянул голову обрат-

но.

– Наверное, вам пора представиться, – совершенно справедливо заметил ростовщик. – Коль скоро речь пойдет о серьезных деньгах, мне нужно понимать, с кем я имею дело.

– Извольте, – покладисто согласился я. – Меня зовут Юджин Артакс. По роду своих занятий я наемник.

– Наемник? – удивился ростовщик. – У вас руки не простого солдата, а аристократа. По первому взгляду на вас я решил, что вы обедневший рыцарь. Впрочем, постойте-ка. Я уже слышал ваше имя. О, точно-точно. Кажется, вы командовали полком в армии герцога Эйзеля? Говорят, вам не раз предлагали дворянство и титулы, но вы почему-то отказались. Не удивляйтесь, господин Артакс, но мы живем в маленьком мире. События, что происходят по ту сторону гор, могут коснуться и нас.

– Да я и не удивляюсь, – пожал я плечами. – Я даже знаю, что информация – это тоже деньги.

– Справедливо, – закивал Мантиз капюшоном. – Нам, ростовщикам, нужно всегда держать нос по ветру. Мы живем вдалеке от Швабсонии, но слухи приходят и к нам. Так о какой сумме идет речь? Думаю, о крупной. Я не льщу себя мыслью, что вы искали именно меня, но вы же не случайно оказались около моего дома?

– Искал черную жабу, но понял, что могу обойтись и коричневой.

– Вы понимаете значение цветов? – удивился ростовщик.

– Ну, господин Мантиз, – покачал я головой. – Символ ростовщиков общеизвестен, а догадаться по цвету, кто из них самый богатый, может даже ребенок.

– Дело не только в богатстве, – горделиво вскинул голову-капюшон ростовщик. – Инсекты занимаются денежными операциями несколько поколений.

– А есть белые жабы? – поинтересовался я. – Ни разу их не встречал. Впрочем, черных тоже.

– Белых нет. Считается, что любой желающий потенциально имеет белый цвет. Ростовщик начинает сразу с желтой. А черные существуют, но кто они, мне неизвестны, – вздохнул ростовщик.

Наверное, ему хотелось заполучить на вывеску черный цвет. Было бы, какое-никакое продвижение. А так, живи себе всю жизнь под коричневой жабой и, никакого тебе карьерного роста. Обидно.

– А кто вам мешает покрасить ваш символ в черный цвет? – предложил я, сдерживая улыбку. – Купите черную краску – и все.

– Не положено, – вздохнул Мантиз. – В вышестоящий цвет могут произвести лишь вышестоящие. Кто будет производить дом Инсекта в черную жабу, если никто не видел «черных» ростовщиков? Мой отец, дед и прадеды были «коричневыми».

Ростовщик призадумался на несколько секунд, но потом решительно помахал лапками:

– Значит, сумма вклада не менее ста талеров?

– Ох, господин Мантиз, – покачал я головой. – Если бы речь шла о такой малости, как сто талеров, разве бы я стал искать ростовщика вашего уровня? Я обошелся бы цветом пониже. Сумма значительно выше – пять тысяч талеров серебром и полсотни золотых монет.

Господин Мантиз подскочил в кресле. Я испугался – не пробил бы потолок. Все-таки, рост ярда три, не меньше. Но ростовщик взял себя в руки. Причем, в самом прямом смысле – ухватил двусоставными конечностями огромную голову. Образумив свои непокорные члены, он уточнил:

– Стало быть, у вас в наличии триста пятьдесят фунтов серебра и почти сорок фунтов золота?

– Может меньше, может больше. Откровенно говоря, я не взвешивал монеты. И даже, – опередил я очередной вопрос, – не сортировал их по качеству. Возможно, попадутся и фальшивые. Ну, вы человек опытный – разберетесь.

– Странно, мне почему-то никто не доложил о прибытии в город обоза с охраной, – пробормотал Мантиз себе под нос. Потом пояснил: – Мне нужно быть в курсе, появится ли в Урштадте купеческий караван, отряд солдат с обозом. Купцы, как правило, имеют наличные деньги, но их всегда не хватает. У них еще есть и приказчики, слуги. Местные владельцы – даже герцог, порой рассылают обозы по городам закупать провизию, а мало ли что может оказаться в мешках у солдат!

– Ваши люди должны подсказать, к кому обращаться за ссудой? – усмехнулся я.

– Разумеется, – не стал спорить Мантиз. – Мои люди обычно не зря едят свой хлеб. Но ваш обоз они проморгали. Стало быть, будут наказаны.

– А если в город прибудет одинокий всадник?

– Одиночки меня не интересуют. Пусть ими занимаются младшие цвета. Подождите... Вы хотите сказать, что прибыли один?! Без обоза и без охраны?

– Ну, не совсем один, – уточнил я. – Прибыл с двумя конями. На одном было загружено богатство, на другом ехал я.

– Господин Артакс, вы сумасшедший! Ну, кто же возит такие деньги в одиночку? Вас могли не один раз убить и ограбить!

– Возможно, – не стал я спорить. – Но кто догадается, что путник, одвуконь, везет с собой такие деньги? У обоза гораздо больше шансов быть ограбленным.

Я мог бы рассказать ростовщику, что сам приобрел богатство, отбив – или, скорее, ограбив вместе с соратниками обоз с серебряной рудой, а добычу превратил в «живые» деньги. Но рассказ этот будет долгим, да и нужен ли он?

Чтобы «переварить» услышанное, Мантизу понадобилось время. Понимаю. С его точки зрения, такие деньги нужно возить с большой охраной. А ведь я не стал говорить, куда я сложил свое золото и серебро!

– Да, господин Артакс, не знаю даже, что и сказать, – вы-

давил наконец ростовщик. – Вы предлагаете огромную сумму. Такие деньги невозможно реализовать.

– Огромная? – удивился я. – Сумма большая, не спорю. Но не чрезмерная.

– В том-то все и дело, что чрезмерная. Как вы считаете, какой у нас товарооборот? Сколько денег находится в обороте города Урштадт?

Мне бы еще знать, что такое «товарооборот». Да и оборот денег я себе представлял смутно. Вероятно, общая сумма купли-продажи?

– Может – сто тысяч в год, может – двести.

– Всего-навсего от одной до двух тысяч талеров. Вы прибыли к нам из Швабсонии? Да, у вас на один талер можно прожить неделю, а у нас в Силингии – целый месяц. Вы устроились в гостинице? Сколько вы заплатили аванс?

До меня стало доходить. Хозяин гостиницы, услышав, что я собираюсь прожить у него не меньше недели, но не больше месяца, с полным пансионом и двумя денниками в конюшне, запросил с меня тридцать пфеннигов. Я был чрезмерно удивлен, потому что обычно платил задаток не меньше двух талеров, но списал это на собственную респектабельность. Мол, бритая голова и шрам поперек морды, показались хозяину достойными уважения и он поверил, что я рассчитаюсь с ним по отъезду. Прикидывал, что проживание обойдется мне талеров пять в месяц. А тут, вишь как...

– Получается, ваши цены ниже швабсонских в четыре ра-

за?

– Не совсем так, – поправил меня ростовщик. – Не цены ниже, а стоимость серебра и золота в Силингии выше, нежели в других краях. С той стороны гор, откуда вы прибыли, есть золотоносные рудники, серебряные прииски. У нас все гораздо скромнее. У нас копают свинец, олово. Добывают болотную руду. А вот золото и серебро встречается редко. В Ботэне, там его будет больше.

Ростовщик уже не в первый раз упоминал неизвестные мне названия – Силингия, а теперь еще и Ботэн. Всегда считал, что неплохо знаком с географией, но эти наименования слышал впервые.

Господин Мантиз нервно постукивал костяшками пальцев по столу. Кажется, принимал решение. Самое забавное, что я начал опасаться – а не откажется ли он от такого вклада? Но цепкий ум ростовщика взял верх.

– Вы со мной откровенны, господин Артакс. Что ж, открою вам тайну. Я, Мантиз из рода Инсекта имею наличными две сотни талеров. Еще десять тысяч находится в обороте. У меня есть купчие, закладные – еще десять тысяч. Условно говоря – двадцать тысяч талеров. И я – самый богатый человек в этом городе и в этих землях. Если считать ваше золото как один к двадцати к серебру, присовокупить к нему пять тысяч талеров, то на сегодняшний день вы богаче меня. Но если вы вывалите свое богатство, то рынок цен будет обрушен. Цены резко вырастут, а золото упадет в це-

не в соотношении один к десяти, а следом за ним обрушится и серебро. Наши товары обесценятся, среди часовщиков начнется безработица. Наши трудности заденут всю Силингию, потом и Ботэн. Денежные притоки хороши, если они не чрезмерны.

Я улыбнулся, пытаясь придать физиономии самое простецкое выражение:

– Значит, я правильно сделал, что обратился именно к вам? Ну, неужели ростовщик, у которого не одно поколение предков жило под коричневой жабой, не поможет мне правильно потратить деньги?

– Тут надо подумать, – деловито закивал Мантиз, явно польщенный моей тирадой. Стукнув костяшками пальцев по столу – я уже начал привыкать к его манерам – спросил: – Для начала, не хотите ли приобрести недвижимость? Недвижимость – лучшее вложение средств во все времена. Хотите?

– Хочу, – сразу же согласился я. – Чей-то невыкупленный залог? Земля и усадьба?

– Именно так, – кивнул ростовщик. – Она вам обойдется в тысячу талеров.

– И земля и усадьба? – поинтересовался я. Уже входя в роль покупателя недвижимости (ух ты, как это приятно!), решил уточнить: – А сколько построек? Какова площадь земли?

– Нужно заглянуть в купчую, – потер Мантиз лапами. – А еще лучше, самому посмотреть на усадьбу. Я дам вам свое-

го помощника, он доведет вас до места и вы все осмотрите. Будут какие-то вопросы – он вам все разъяснит. Когда бы вы хотели?

– Да прямо бы сейчас и пошел, – пожал я плечами. – Это возможно?

– Разумеется! – горячо воскликнул ростовщик. – Я сейчас же вызову помощника. Валдо! – выкрикнул Мантиз. Пока до двери добирался быстрый топот ног, хозяин, слегка наклонившись надо мной, спросил: – Я надеюсь, в гостинице надежная охрана? Коль скоро вы собираетесь купить у меня землю, то я уже рассчитываю на часть ваших денег, – смущенно добавил он.

– Охрана самая лучшая, – не покривив душой ответил я. – И, горе тому, кто осмелится покуиться на наши деньги!

Осматривать недвижимость я пошел пешком. Решил, что будет неловко перед пешим сопровождающим, да и идти, как мне сказали, недалеко. Но минут через двадцать пожалел об этом – Валдо был неприлично молод для помощника ростовщика и удивительно легок на ногу.

Понятие «недалеко», оно довольно растяжимо. Лет пятнадцать-двадцать назад, когда я служил в тяжелой пехоте, оно означало день-два пути. Но за последние годы многое изменилось. Я не упомяну, когда ходил пешком далее ста ярдов.

Город уже не казался маленьким. И еще через двадцать минут мне захотелось стукнуть своего проводника по голо-

ве. Глядишь, пока он будет в отключке, смогу немного пере-
дохнуть...

Валдо, не подозревая о моих коварных планах, топал по мощеным улицам Урштадта, умудряясь рассказывать о местных достопримечательностях не сбивая дыхания.

– Вон там – Чёртова стена, – махнул парень рукой в сторону каменных глыб, выстроенных в ряд, словно огромные гнилые зубы.

– Ага, – только и сказал я, украдкой утирая пот.

– Эту стену выстроил наш Урлекс, – не унимался помощник ростовщика, любовно постучав по одному из огрызков камня. – Раньше она была сплошная, но потом пришли другие черти и разобрали ее. Им стало завидно, что у Урлекса есть стена, а у них нет.

– Угу, – отозвался я, пытаюсь выровнять дыхание.

– Вы не устали, господин Артакс? – забеспокоился парень. – Если устали, так и скажите. Все-таки, вы уже пожилой человек.

«Ах ты, зараза!» – злобно подумал я, прикидывая – чем бы его огреть – кулаком или рукояткой кинжала, но к счастью для торопыги у меня открылось второе дыхание.

– А вот мы и пришли! – радостно объявил помощник ростовщика. – За Чёртовой стеной заканчивается городская черта и начинается ваша земля, а там и ваша усадьба. Ну, если вы подпишете купчую, – дипломатично добавил парень.

Когда я увидел свое владение, драться расхотелось. И да-

же простил «пожилого» человека. Оно того стоило. Наверное, где-то в глубине сознания, когда я мерз на пронизывающем ветру, кутаясь в старый плащ или, пытался заснуть, не обращая внимания на лед подо мной, мне представлялся именно такой дом – белоснежный двухэтажный, под красной черепичной крышей. Не замок, где суетятся десятки слуг, где ты никогда не можешь остаться наедине с собой, а именно дом. Узкий, не очень большой. И чтобы вокруг была небольшая роща, где растут яблони. Или это называется сад? Ну, какая разница, лишь бы росло и давало тень в летнюю жару, а зимой укрывало дом от ветров.

По мере приближения становились заметны изъяны – стены казались белоснежными только издалека, черепица побурела от времени, а кое-где поросла мхом. Но, несмотря на это, дом мне нравился.

– Земли, согласно купчей, сто югеров, – деловито сообщил проводник. – Два югера заняты садом, домом и хозяйственными постройками, а остальные сданы в аренду крестьянам. Только, – напомнил Валдо, – в этом году арендаторы вносят плату господину Мантизу. А вот в следующем, вы сами будете решать – продлевать ли с ними аренду, или набрать новых. Или согнать всех с земли и устроить здесь пастбище. Говорят, скоро будет выгодней разводить овец, а не получать арендную плату.

– Слушай, дружище, а югер – это много или мало?

– Югер, – призадумался парень, останавливаясь ненадол-

го, – это столько, сколько могут вспахать два вола за целый день.

Сколько могут вспахать два вола за один день, я имел самые смутные представления. Точнее – не имел никакого. Видеть, как пашут, приходилось. А вот оценивать, сколько вола способны вспахать, даже и в голову бы не пришло. Да и зачем бы мне это? Теперь, когда я расстался с приличной суммой, вложив ее в недвижимость, появилось и ощущение собственности.

Когда-то, давным-давно, я уже был землевладельцем. Но никогда не видел той земли, от которой мне поступали деньги. Этим был озабочен управляющий. Я даже и не задумывался о том пути, который проделывали монеты и откуда они появлялись. Какая мне разница – нашли ли крестьяне их в земле, сорвали с дерева, или заработали, продавая зерно и скот?

Теперь ситуация изменилась и эта земля скоро станет моей. А значит, чем ее больше – тем лучше. Пара волов за один день может вспахать много. Наверное. С другой стороны – вол, как и любая здоровая скотина, выдыхается быстро. Это как рыцарский конь – мощный, как ураган, но также как у урагана, его силы хватает ненадолго.

– С одного югера может прокормиться одна крестьянская семья, – сказал Валдо, словно услышав мои мысли. – А еще она вносит арендную плату – треть урожая.

Я повеселел. Если арендная плата треть урожая, а таких

третей у меня будет почти сто, то мы будем жить с гнедым припеваючи до самой старости. Это даже без учета той кучи денег!

– Господин Артакс, вы сразу пройдете в дом или вначале осмотрите сад и службы? – нарушил мои размышления Валдо.

Я решил, что вначале нужно осмотреть дом. Если содержимое не оправдает моих надежд, к чему мне тогда сад и службы? Проще будет приобрести сад и отстроить собственный дом, по своему усмотрению.

Холл с камином и лестницей на второй этаж. Столовая, кухня, какие-то чуланы и закутки. Все, как положено. В столовой, что удивительно, сохранилась посуда – на стене разнокалиберные сковороды, над очагом висел котел для воды. На втором этаже спальня – не то шесть, не то восемь.

Нет, определенно, дом мне нравился. Конечно, от стен исходил холод, а запах изнутри был запахом нежилого, давно не топленного, помещения. Но это легко исправить.

– Есть еще чердак, – обратил мое внимание Валдо, указав на винтовую лестницу.

Не поленившись, я поднялся наверх. Это был не просто чердак, а чердак, обустроенный для жилья. Был небольшой камин и окно, через которое можно наблюдать окрестности. В окне даже сохранились куски стекла.

– Прежние хозяева использовали его как библиотеку, –

пояснил Валдо.

– А кто был прежним хозяином усадьбы? – поинтересовался я. – Какой-нибудь разорившийся дворянин, проигравший свое состояние в кости?

– Увы, господин Артакс, все гораздо печальнее, – покачал головой Валдо. – Хозяином усадьбы был благородный рыцарь Йохан Йорген. И все у него было в порядке. Была земля, арендаторов он держал в строгости и повиновении, но лишнего не позволял. Пять лет назад он уехал на войну и попал в плен. Супруга рыцаря и его наследник продали все драгоценности, заложили усадьбу. Сын отправился выручать отца, но вместо этого сам попал в руки разбойников. Мало того, что у него отобрали все деньги, так и за самого тоже потребовали выкуп. Чтобы выручить сына, фрау Йорген продала мебель, библиотеку, даже одежду. Выкупила сына, заложила все свои земли. И вот, представляете себе – когда счастливые отец и сын возвращались домой, и до усадьбы оставалось каких-то десять миль, на них напали волки. Тела нашли спустя несколько дней, опознали с трудом. И то – лишь по клочкам одежды и оружию. Фрау, узнав об этом, умерла с горя.

– А наследников не осталось?

– Даже если бы они и остались, то никто не решился бы вступить в права наследования. Уж слишком большие долги бы пришлось брать на себя. Где-то живет их дочь. Наверно, уехала в Силинг. Но я даже не знаю, как ее зовут. Не то – Катрин, не то Кэйтрин.

– М-да, грустная история, – протянул я. – Думал, такое бывает лишь в книгах.

– В жизни, господин Артакс, все страшнее и печальнее, нежели в книгах, – изрек Валдо.

Не желая развивать эту тему, я хмыкнул:

– Но, друг мой Валдо, вернемся к дню сегодняшнему. Получается, усадьба пустует уже пять лет? Странно...

– Думаете, странно, что никто до сих пор не купил? – не понял парень. – Строения вместе с землей стоят дорого, а продавать по частям господин Мантиз не хочет.

– Странно, что дом находится в таком хорошем состоянии, – пояснил я. – Обычно, за пять лет пустующие дома превращаются в руины. Крестьяне должны были вытащить половицы, снять перила, ободрать черепицу, а здесь даже камин никто не разобрал. За пять лет, – усмехнулся я, – не то, что камин, а дом можно разобрать по камню. Неужели твой хозяин оставил тут сторожа?

– Посмотрите сюда, – подвел меня парень к окну. – Видите, флигель в глубине сада? Он тоже станет вашей собственностью, если подпишете купчую. Там живут бывшие слуги рыцаря – Томас, садовник и Курдула – кухарка. Господин Мантиз разрешил им жить здесь, а за это они должны присматривать за домом. Им также разрешено пользоваться садом, собирать плоды. Но это разрешение давал господин Мантиз, – уточнил парень. – Вы, вступив в право собственности, не несете ответственности за обещания прежнего вла-

дельца. Тем более, что они были устными. Теперь вам предстоит решать их судьбу. Можете их оставить, можете нанять новых слуг.

И никто меня не осудит, если я выгоню стариков-слуг из дома, дополнил я мысленно. Если понадобится – так и сделаю. Но спешить с этим не стану. Судя по состоянию дома, слуги люди добросовестные. Такие могут и пригодиться. А выгнать старых, да набрать новых, дело нехитрое.

Спускаясь вниз, я подумал, что было бы неплохо восстановить библиотеку. Но это потом.

У выхода нас ожидала пожилая пара – высокий худой старик с прямой спиной и почти такая же худая старуха. Скорее всего, они были не только слугами, но и супругами. Уже сколько раз наблюдал, что муж и жена, прожив вместе долгие годы, становились похожими друг на друга. Оба были наряжены в чистые, но изрядно залатанные тряпки. Назвать их лохмотья одеждой язык не поворачивался.

– Здравствуйте, господин Валдо, – снял шляпу старик. Посмотрев на меня, слегка склонил голову. – И вы, здравствуйте.

– Здравствуйте Томас, – слегка смущенно поприветствовал Валдо. – И вы, Курдула, тоже здравствуйте.

Я ограничился кивком головы.

– Это господин Артакс, – представил меня помощник ростовщика, не уточняя – что я тут делаю. Но это и так понятно.

– Это новый хозяин? – поинтересовалась старуха. Прищурившись, прикрывая глаза, словно бы слезящиеся от ветра, спросила: – Вы нас прямо сегодня прогоните?

– Подожди, Курдула, не суетись, – одернул ее старик. – Может, новый хозяин позволит побыть хотя бы до завтра.

Интересно, но эти ребята мне почему-то понравились. Не лили слезы, не падали на колени, не умоляли. Этого, если честно, я очень боялся.

– А у вас есть куда идти? – спросил я у Томаса, но тот лишь пожал плечами. Вместо него ответила супруга:

– Мир не без добрых людей. Авось, кто-нибудь приютит. А нет – так сдохнем в дороге, кто-нить да похоронит.

– Печенку умеешь готовить? – поинтересовался я.

– Печенку? – слегка опешила женщина.

– Неужели не умеешь? – усмехнулся я. Нарочито грустно вздохнул: – Ну вот, а я обрадовался. Значит, рано обрадовался...

– Да как же не умею! – возмутилась кухарка. – Да я ее и в сметане, и масле могу приготовить. С черносливом и с грецкими орехами... Да я ее в десяти видах состряпаю. А может и больше, если паштеты и рулеты считать.

– Ладно-ладно, – остановил я разбушевавшуюся Курдулу. – Потом проверю, когда хозяином стану. – Повернувшись к Томасу, спросил: – Ты же здесь за садовника и за конюха? Пойдем, посмотрим конюшню.

Мы с Томасом, в сопровождении Валдо и Курдулы пошли

смотреть второе по значимости помещение усадьбы. А может и первое. Сам-то я смогу прожить где угодно – была бы крыша над головой, а вот гнедому нужно создать условия. Не любит он сквозняков и крысиных нор.

Конюшня располагалась за флигелем, где были и другие строения. Кузница. Сыроварня. Пара каких-то круглых сараев. Может, хранилище для зерна, а может для чего-то.

Конюшня мне не понравилась. Крыша зияла рваными ранами, камни из стен повыпадали, денники отсутствовали.

– Худо дело, – грустно констатировал я, рассмотрев весь этот хаос.

– Так ведь, господин Артакс, денег у меня нет, – грустно отозвался старик. – Чтобы сохранить дом, снимал черепицу с конюшни. Можно бы ее, конечно, землей закидать, или соломой, но опять-таки – где брать деньги? Да и для чего? Коней сюда давно не ставят, а денники мы в прошлую зиму сожгли, денег на дрова не было.

– Значит, так, – подвел я итоги. – В первую очередь нужно заняться конюшней. Стены отремонтировать, побелить, крышу заменить. Сколько будет стоить – наем работников, материалы?

Старик принялся задумчиво чесать затылок, прикидывая, что к чему.

– Арендаторы сейчас на полях, но заработать не откажутся. И сами придут, детей-жен пришлют. Найду! А сколько будет стоить...

– Так, господин Артакс, можно все проще сделать, – вступил в разговор Валдо. – Наймете рабочих в городе, купите побелку, черепицу, все прочее, да и пришлете сюда. Вам же еще и дом ремонтировать.

Проще-то оно проще, но кто знает, сколько и чего нужно покупать? Отродясь не занимался ремонтами. Получается, мне понадобится специальный человек, чтобы руководить и тратить мои деньги? Может, ну ее, эту усадьбу? Но отступать поздно. Дом мне понравился, да и конюшня выглядела не безнадежно.

– С домом потом разберемся, – твердо сказал я. – Вот, милейший, это тебе на ремонт, – протянул я Томасу пару монет. – Хватит на первое время? Потом еще подкину.

При виде двух талеров, оцепенели не только слуги, но и Валдо. «Ух ты, голова дырявая! – ругнулся я про себя. – Тут же цены другие! Нельзя же так сразу». А вслух сказал:

– Кроме конюшни, приведите себя в божеский вид. Стоите передо мной, как два пугала. Смотреть противно на ваши обноски. Еды себе прикупите, ну что там еще?

– Все сделаю, господин Артакс, – дрожащими губами пролепетал Томас. – Завтра же и начнем.

– Хорошо, – кивнул я. Повернувшись к юному помощнику ростовщика, сказал: – Ну, пойдём купчую подписывать. Только я вначале в гостиницу заскочу, деньги возьму.

Возвращение обратно проходило в молчании. Кажется, Валдо осуждал меня за транжирство. Пусть. Меня его чув-

ства трогали меньше всего, да и носом мальчишка не вышел. Я размышлял о том, что мечтал, прикупив домишко, получить спокойный размеренный сон, счастливую жизнь, а получаю массу проблем на свою голову! Допустим, усадьба приведена в божеский вид. А что потом? Нужно же закупать мебель, постели... Что-то еще появится, какие-то хлопоты. Пока поживу в гостинце, буду наезжать, присматривать за работами. Потом что? Я стану жить в собственном доме, наслаждаться жизнью. Томас будет следить за садом, а Курдула стряпать. Но нужен кто-то еще, чтобы мыть полы, вытирать пыль, ходить за покупками, стирать, штопать... Стало быть, понадобится слуга. Или служанка. Или то и другое. Слуг у меня давно не было. Пока служил, конечно же, был денщик. Сколько их у меня сменилось? Не то десять, не то все пятнадцать. Но их обычно брали из увечных солдат, которые для боя уже не годились, а до конца контракта им оставалось всего ничего. Да и какая работа у денщика? Разбить шатер, постелить постель, позаботиться о чистом белье, принести своему начальнику – то есть мне, еду из полкового котла. Вот и все. Коня своего я никому не доверял, оружие тоже. Теперь же придется обзаводиться слугами. И что, мне самому приглядывать за их работой, выдавать жалованье, следить, чтобы не проворовались? Да, а крестьяне? Кто будет собирать арендную плату? Крестьяне не любят расставаться с деньгами, будут канючить, вертеть хвостом. Разводить дипломатические беседы не обучен, да и лениво мне, а если я разобью

пару-другую голов, особой любви от пейзажей не добыю. Значит, понадобится управляющий.

Настроение было безнадежно испорчено. Мой сопровождающий, почувствовав волну злости, исходящую от меня, держался на расстоянии и уже не пытался знакомить с достопримечательностями.

Войдя во двор гостиницы, я отправился в конюшню, где был встречен уважительным молчанием пожилого конюха и его юного помощника.

– И что тут у вас? – поинтересовался я, хотя уже знал ответ – кто-то покусился на мешки и был наказан.

– Господин рыцарь, – почтительно сдернул конюх шапку, – ваш жеребец конокрада поймал.

– Зарку-цыгана, – хихикнул щербатый помощник. – Этого Зарку...

– Куда поперек старших? – возмутился конюх, пытаясь отвесить затрещину подростку, но тот увернулся и торопливо выкрикнул: – Ратуша за Зарку награду назначил в пять талеров!

– А что, такой опасный конокрад? – удивился я. Даже по меркам Швабсонии награда за какого-то конокрада была неплохая, а с учетом здешних реалий – непомерно высокая.

– Он, собака такая, в десяти деревнях лошадей увел, – сплюнул конюх. – И у нас в Урштадте двух коней своровал. С постоянных дворов сводил, а рассчитывать-то кто будет? Понятное дело, хозяин! А хозяин с кого спросит? С наше-

го брата, конюха! Вот, селяне и скинулись, деньги в ратушу принесли, а тут и наши добавили чуток.

– Зарко-цыган у нашего бургомистра лошадь свел! – не удержался-таки конюшонок, за что схлопотал еще одну оплеуху.

– Фиска, закрой пасть! – рыкнул конюх. Потирая ладошку, завистливо протянул: – Вы теперь богач, господин рыцарь.

– Посмотрим, – кивнул я, открывая дверь в конюшню.

Конюшня была рассчитана на дюжину лошадей, но было занято лишь четыре денника. Две лошаденки, вероятно, хозяйские, да Гневко с Кургузым (ишь ты, приклеилось!).

Первым делом я посмотрел на гнедого, но тот стриганул ушами, показывая, что у него все в порядке и все, что сдано под надзор, на своем месте. Так оно и было. Мешков не убавилось, а вот живности в деннике прибавилось – в углу скрючился человек в синих штанах и ярко-красном жилете на голове тело. Конокрад тихонько поскуливал и баюкал правую руку.

– Как это ты его? – поинтересовался я у гнедого.

– Го-го-го! – отозвался Гневко. Топнув копытом, потрянул гривой: – Го-го!

Все понятно. Господин конокрад применил старую уловку – ухватил жеребца за ноздри и попытался вывести его из денника. Обычно такое срabатывает. От боли лошадь покорно идет за своим мучителем и не может подать голос. Вот

только с гнедым такой трюк не прошел – жеребец воюет с тех самых пор, как перестал быть жеребенком и подпускает к себе немногих – меня и тех, кому доверяет. А мы с гнедым не привыкли доверять никому. Я-то еще могу дать промах, а вот жеребец – никогда. И правильно делает. Иначе, скакал бы сейчас Зарка-цыган на моем жеребце, а не валялся на грязном полу.

– Говори, – кивнул я конюху.

Тот, снова сдергивая шапку, доложил:

– Мы шум услышали, ржание, а потом крики. Бежим, а этот паскуда уже на пузе лежит, а жеребец ваш его копытами обхаживает. Хотели отбить, да страшно стало. За Зарко-цыгана награда хоть за живого, хоть за мертвого – все едино, а нам еще пожить охота. У вас не конь, господин рыцарь, а целый дракон!

– Драконище! – уважительно подтвердил мальчишка и опасливо посмотрел на старшего – не огреет ли снова? Но тому было не до воспитания младших.

– Вы, господин рыцарь, сами его в Ратушу сдадите или помощь нужна? – робко поинтересовался конюх. – Ежели надо, так мы поспособствуем. Да и поделиться бы можно... Ну, хоть по пфеннигу. А лучше – мне четыре монеты, а Фиске один. И хозяину надо бы пфеннига три отвалить. Все-таки, его конюшня.

– Как интересно! Жеребец конокрада поймал, пока вы ворон считали, а делиться-то с какой стати? – усмехнулся я.

Махнул рукой: – Тащите сами. Про гнедого можно ничего не рассказывать, он не обидится. Скажете, что сами поймали.

– А как же награда? – захолопал глазами конюх. – Ведь это же целых пять талеров! Это... Приданое для мой девки, да и на свадьбу останется.

Я отмахнулся:

– Некогда мне с конокрадами возиться. Забирайте и утаскивайте куда хотите.

– Ну, господин рыцарь, век за вас буду бога молить! Я ж теперь свою младшую замуж смогу выдать! – завопил конюх. – Щас мы его... Фиска, болван, веревку неси. Только, господин рыцарь, вы уж гнедого попридержите, сделайте милость. Черепушка у меня одна, а без нее и приданное дочери не в радость будет.

Всегда приятно, если кто-то может порадоваться. Я кивнул гнедому – подвинься. Тот недовольно помотал мордой, но спорить не стал. Конюх, боязливо глянул на Гневко и, осторожно, бочком-бочком стал протискиваться в денник. Зарко-цыган, тем временем, приоткрыл один глаз и умоляюще посмотрел на меня, а я, улыбнувшись воришке краешком губ, отвернулся в сторону, делая вид, что не знаю, что сейчас произойдет.

Конокрад напрягся, как арбалетная тетива и, резко сорвался с места, сбивая с ног конюха.

До мужика не сразу дошло, что приданое улетело на волю, но когда сообразил, принялся кататься по земле и яростно

выть, проклиная судьбу и поминая несчастную дочь, которой суждено теперь умереть в старых девах.

Мне стало жаль бедолагу. Может и впрямь – перестарок. Наклонившись, спросил:

– Девке-то сколько лет?

– Восемь годков, – всхлипывая отозвался конюх.

– Восемь?! Так какая свадьба? – оторопел я, а потом разозлился. Ухватив конюха за шиворот, резко оторвал от земли. Приподняв до уровня глаз, встряхнул: – Ты что, сволочь, ребенка собрался мужику отдать? Ей же еще в куклы играть!

– Так п-пока в к-куклы и играет, – прохрипел конюх. – А д-деньги-то шас надобно копить...

Я разжал руку. Смотрел, как откашливается смертельно перепуганный конюх и... тут мне стало ужасно стыдно! И что это на меня нашло? Почему же сразу о плохом?

– Говоришь, деньги на приданое нужны... Хм...

Я зашел в денник, развязал один из мешков и вытащил пригоршню серебра. Считать не стал, а просто высыпал монеты к ногам конюха. Один талер кинул мальчишке.

– Хватит? Откуда деньги взяли – никому ни слова. Уяснили?

Старый конюх что-то прохрипел, а молодой, похоже, лишился дара речи. А с другой-то стороны – какая разница, пусть болтают. Талеры и золотые я сегодня же отвезу Мантизу и, пусть теперь у ростовщика об этом голова болит.

Глава вторая. Приложение к недвижимости

Не люблю неожиданностей. Особенно с утра. Но с утра они чаще всего и происходят, хотя, случаются нехорошие странности и в другое время суток! Вот и сейчас, сквозь сон я услышал шаги, замершие у двери. Судя по звукам – одиночка, не очень тяжелый. Но это еще ни о чем не говорит. Хорошему убийце доспехи мешают. А может, кто-то попроще решил меня «облагодетельствовать»? Скажем – обыкновенный грабитель. Кто-то вчера мог обратить внимание на мешки, что я перевозил в банкирский дом Мантиза и догадаться, что в них не железный лом и нанести визит одинокому солдату – а вдруг да осталось еще что-нибудь интересное? Или, конюх с конюшонком проболтались? Ежели в этих краях за пять талеров можно спроворить приданое дочери, прирежут за пфенниг. Сколько в здешнем талере пфеннигов? Кажется, восемьдесят. Значит, если прирезать восемьдесят человек, получишь талер!

Пока думал, руки уже выхватывали меч из ножен, а тело занимало место около косяка, приготовившись к встрече с неожиданным гостем. А этот «кто-то» уже пытается войти, но дверь, запертая на щеколду, открываться не захотела. Тогда я решил помочь визитеру – потихонечку отодвинул запор,

резко рванул створку на себя и... едва успел удержать влетевшую в комнату пожилую женщину с корзинкой в руках.

– Доброе утро Курдула, – поприветствовал я кухарку. Взяв у нее корзинку, усадил на стул.

Отдышавшись, стряпуха едва выговорила:

– Ну, господин Артакс, я чуть не обмочилась со страху. Чего ж вы с мечом-то сразу?

– Не ждал я гостей, – хмыкнул я, убирая оружие. Наливая воды, заметил: – Ты, голубушка, хотя бы постучала вначале.

Отпаиваясь, кухарка только трясла головой. Придя в себя, сказала с упреком:

– У нас никакие двери не запирали. Я в господские комнаты входила без стука.

– И в спальню хозяйскую? – усмехнулся я.

Но Курдулу было не так-то легко смутить.

– Добрые люди по ночам спать должны, а не по комнатам шастать, – отбрила стряпуха. Подумав, хмыкнула: – Но коли новый хозяин стучать прикажет – будем стучать.

– И на том спасибо, – буркнул я. Потом спохватился: – А ты чего пришла ни свет, ни заря?

– Так вы, господин Артакс, мне вроде проверку решили учинить, – презрительно усмехнулась кухарка. – Спросили – мол, умею ли я печенку готовить. Пробуйте – паштет печеночный, тут у меня – лепешки из гусиной печенки, с луком и специями, тут – простая печенка, с бобами, а здесь – в луковой подливке...

Курдула принялась выгружать из корзинки миски и ложки, расставляя их на гостиничном столике.

– Пробуйте-пробуйте, господин Артакс, – приговариваластряпуха. – Я вам и ложку принесла и хлебушка свежего, горячий еще...

От ароматов голова шла кругом. Я бы готов наброситься на все это великолепие, но вспомнил, что не мешало бы привести себя в порядок.

– Все у тебя замечательно, но ты подожди, мне бы умыться, да и все прочее.

– Да не стесняйтесь вы, господин Артакс, – усмехнулась кухарка. – Я уже старуха старая. Что я, мужиков в кальсонах не видела? Хошь нагишом ходите, ничего интересного не увижу. Уж, насмотрелась я на вашего брата, пока молодой-то была. Могу горшок ночной подержать, если нужно. Мне не трудно, а вам удобнее будет...

– Помоги-ка умыться, – пресек я словоизвержение кухарки, стаскивая ночную рубаху. – Бери кувшин и лей на руки.

– А чего это вы господин Артакс мыться решили? – удивилась женщина. – Вроде, чистый вы. Вода-то в городе дорогая, чё тратиться-то? Кувшин целый пфенниг стоит! Подождите до усадьбы, там колодец есть.

– Ты лей, да не блей! – рыкнул я на рачительную кухарку. – Ты деньги в своем кошельке считай, а я со своими сам разберусь. И на спину плесни...

Курдула притихла, взяла кувшин и принялась поливать.

Ничего не сказала, но по молчанию было понятно, что она думает новом хозяине. И, вроде бы, не нарочно, залила мне воды ниже поясницы. . .

Пока умывался, слегка посетовал на самого себя. На первый взгляд, кухарка мне показалась женщиной рассудительной и не склонной к поучительству. Обычно, первое впечатление о человеке оказывалось правильным, а вот, поди же ты.

Покончив с утренним туалетом, сел завтракать. М-да, готовила Курдула божественно. Пожалуй, поварское искусство компенсирует ее длинный язык.

– Замечательно! Отлично, – нахваливал я, уплетая за обе щеки.

– Ну что, прошла я испытание? – хмыкнула кухарка.

– Могу диплом выписать! – пообещал я. Окинув глазами миски-плошки, подумал, не съесть ли еще, но заприметил, что женщина украдкой глотает слюнки.

– Ты сама-то поела? – поинтересовался я и, не дожидаясь ответа, кивнул ей на ее же яства. – Помогай.

– Не приличествует простой служанке с господином есть, – строго заявила Курдула.

– Ты еще ко мне на работу не нанялась и жалованье не получала, – парировал я. – Считай, что в гости зашла. Давай-давай. Съешь, сколько сможешь, а остальное мужу отнесешь.

Кухарка, помявшись немного, принялась-таки за еду. Но

ела бережно, аккуратно. Нетрудно догадаться, что вдоволь поесть давно не удавалось. А может, не то, что вдоволь, а и просто поесть?

– Как же ты все успела? – поинтересовался я, чтобы подержать разговор.

– А что тут успевать? – отмахнулась кухарка. – Денег вы дали, сбегала да купила. Встала пораньше, очаг зажгла, вот и все. Старик мой, еще вчера людей подрядил, камень с беллами купил. Верно, сейчас черепицу торгует. К вечеру конюшня будет готова. А с домом за неделю управимся. Я тут с трактирщиком парой слов перекинулась, говорит, очень вы коней своих любите, особенно гнедого. Томас мой сам в коньяках души не чает. Когда госпожа Йорген коней продала, заболел весь. Думала, помрет совсем.

– Вот, какие вы молодцы, – порадовался я. – Может, еще денег добавить?

– И того что дали хватит. Мы уж и так замучились. Вы, господин Артакс, когда деньги давали, не подумали, как их менять-то? Мы со стариком моим вчера полдня пробегали, да все попусту. Пришлось сюда идти, в город. И то, за так просто менять никто не хотел, пришлось с мясником на целый месяц о мясе сговориться.

– Так и ладно, – пожал я плечами. – Чем плохо?

– А ежели, вам его мясо не понравится?

– Мясника? – хмыкнул я. – Не понравится, мы его есть не станем.

– Тыфу ты, что и сказала-то – мясника мясо, – расхохоталась кухарка. Отсмеявшись, вытерла слезы: – Я про другое толкую...

– Да понял я, не переживай. Найдем, куда мясо девать. Собаку заведем, что ли, ей и скормим, – попытался я успокоить Курдулу.

– Да вы что, господин Артакс? – сразу же взъерошилась кухарка. – Доброе мясо собакам выкидывать? Ежели решите собак завести, так они за милую душу кашу овсяную с костями стрескают. Вы, господин Артакс, деньги считать необучены, а на богача непохожи – вон, брюхо к спине прилипло, жира ни капли. И посмотреть не на что – шрамы сплошные. Не то рыцарь, из безземельных, не то и простой солдат.

– А тебе-то не все равно? Или, – жестко усмехнулся я, – у благородных господ и слуги благородные? Не хочешь служить у отставного солдата – неволить не стану.

– Да что вы такое говорите? – всплеснула руками кухарка. – Мне-то какая разница, кем вы были? Хоть солдат бывший, хоть разбойник. Не все ли равно, кому стряпать?

– Тогда к чему ты такие разговоры ведешь?

Курдула слегка замялась и принялась убирать со стола грязную посуду. Те миски, где оставалась еда, укладывала особо аккуратно.

– Подожди, голубушка, – остановил я кухарку. – Кивнув ей на стул, сказал: – Потерпит твой Томас лишние пять минут. Если начала разговор – досказывай.

– Так я чего, я ничего, – заюлила Курдула и мне пришлось посмотреть на нее так, как я смотрел на бестолковых подчиненных.

– Я про что беспокоюсь-то, господин Артакс, – пряча глаза, продолжила кухарка. – Вы деньги-то кидаете без счета. Истратите все, на что жить-то будете?

– И опять останетесь вы с мужем без хозяев и без жалованья, – договорил я.

– И то верно, – воспрянула кухарка. – Вы все сразу хотите – и конюшню отремонтировать, и дом господский. А на какие шиши? Мужики деревенские, что земли арендуют, плату арендную вам только в будущем году принесут. Видывали я бывших солдат, когда они с деньгами с похода приходят. Сундуки с добром приносили, серебро! Так же вот, покупали себе шелка да бархат, дома каменные, а потом – пшик! Промотают-прогуляют все до крейцера ломаного, а потом снова в поход. А возвратиться оптом – без рук и без ног, хорони их. Вам-то хорошо – уйдете себе, а нам опять куковать.

– А как ты думаешь, как усадьба ко мне попала, если у меня денег нет?

– Да кто вас знает, – пожала плечами кухарка. – Люди говорят, что вы господина Мантиза от чего-то спасли, вот и решил он вас отблагодарить. Мантиз, хоть и жадный до денег, но честный.

– Так ведь и среди банкиров бывают честные люди, – философски пожал я плечами.

– Среди людей, что ростовщиками стали, честных не видела, все кровопийцы, – отрезала Курдула, – Инсекты – они честные. Свои обещания, в отличие от людей, всегда исполняют.

– Подожди-ка, – присел я от удивления. – Ты хочешь сказать, что Мантиз не человек?

– А как он может быть человеком, если инсект? – в свою очередь удивилась кухарка.

До меня стало немного доходить. Непропорциональные конечности, огромная голова... Глаза! Какой же я болван! Он же мне сразу сказал – Мантиз из рода Инсекта. А я решил, что это фамилия. А ведь изучал же когда-то древние языки! *Insécta* по латыни и означает насекомое! Кого же ростовщик мне напоминал? Кузнечика? Нет, богомола! А ведь мантиз, в переводе и означает богомол. Дела. Богомолы занимаются ростовщицеством, а что же тогда могут делать кузнечики или саранча?

– Господин Артакс, вам плохо? – забеспокоилась Курдула.

– Да нет, все хорошо, – выдохнул я, мысленно просчитав до пяти. – Скажи-ка мне лучше... – задумался я, не зная, как правильно спросить. – Много в здешних краях таких, как Мантиз?

– Таких как господин Мантиз немного, – охотно поведала кухарка. – В городе всего один такой. Их и во всей Силингии не больше сотни. В Урштадт и в округе нашей только люди живут. А все, кто не люди, те дальше. Эльфы – те ни-

когда носа не кажут и пришлых не жалуют. Иногда гномы с гор спускаются, сыр на хлеб сменять. Зимой мужики гоблина видели. Он, паразит, медведя из берлоги прогнал, да спать туда завалился. Нет, чтобы самому нору выкопать, так лень ему. Медведь шатуном стал, к деревне пришел, так его убить пришлось. Гоблина искали-искали, но не нашли.

Поначалу решил, что Курдула рассказывает мне сказку. Но она повествовала о гномах и гоблине просто и искренне, как говорят о соседях, что я понял – кто-то из нас сошел с ума.

«Сумасшедшие не признаются в том, что они сумасшедшие, – подумал я. – Все они считают себя здоровыми! Коль скоро я сомневаюсь – нормальный я или нет, значит, пока не сумасшедший».

Осознав, что сумасшедший здесь не я, выдохнул чуть свободнее. Принять бред за истину! Ну и ну... И про ростовщика невесть что подумал! Ну, похож человек на насекомое, подумаешь. Вон, был у меня сотник – башка, как у коня, зубы длинные. Даже и прозвище родовое имел – Лошак. Говорит, все деды-прадеды были такие же. Видимо, похожи были предки господина Мантиза на насекомых, отсюда и прозвище. Курдула, надеюсь, не буйная? Если разбушуется – неважно, что женщина, одному остановить трудно. В случае чего, придется бить по голове чем-нибудь тяжелым. Но лучше до этого не доходить! Надо бы ее как-то выпроводить, но деликатно, чтобы не обиделась.

– А почему гномы сыр на хлеб меняют? – осторожноенько начал я. – Я думал, они под землей живут, золото и серебро добывают. При чем тут сыр?

– Так золото и серебро уже давным-давно выбрали! – расхохоталась кухарка. – В стародавние времена еще выбрали, которые сами гномы не помнят, а они по три человеческих жизни проживают. А даже если осталось где, так серебро ни сваришь, ни в кашу не положишь. Да и золотом сыт не будешь. А кушать хочется. В горах только ячмень растет, да и тот, дохлый совсем. Так что приходят к нам гномы, форель несут, сыр. Козы у них мелкие, под стать хозяевам. Из ихнего молока сыр не в пример вкуснее нашего получается. Так вот, меняют гномы на свой сыр да рыбу муку пшеничную, репу да фасоль. А наши, когда обмен сделают, рыбу съедают, а сыр в город несут. В Урштадте сыр гномий ценят, дорого платят! Если хочешь, господин Артакс, прикуплю – попробуешь. Стоит дороговато – по пять пфеннигов за фунт. Только талеров не давай!

– Вот, у меня как раз пфенниги есть! – обрадовался я. – Сейчас отсыплю, а ты потом купишь.

Вчера, по совету господина Мантиза, разменял у него меди на пять талеров. Кошель получился увесистый. Развязав горловину, покосился на Курдулу:

– Сколько монеток дать? – Махнув рукой, высыпал горсть. – Бери, на хозяйство тебе. Иди прямо сейчас и сыр купи.

Курдула, цепко ухватив медяки, укоризненно покачала головой.

– Вот я и говорю, господин Артакс – расточительны вы, сверх меры. Ну, разве можно столько денег служанке давать, да еще и без счета?! Как я их до дома-то донесу? Эх, беда с вами, господин Артакс...

Кухарка принялась упрятывать монеты – что-то засунула за пазуху, что-то припрятала в переднике и, даже приподняла юбку. Эх, будь она помоложе, лет на двадцать, мне было бы интересно. «А ведь из нее вышла бы неплохая экономка! – подумал я, но тут же отсек эти мысли: – Ну, какая экономка из сумасшедшей старухи?»

– Подожди, – остановил я стряпуху, уже взявшуюся за дверь. – Я же велел вам с мужем одежду купить. А вы, как я понимаю, все на камень да на рабочих извели. Говори, сколько вам еще нужно?

– Одежда, господин Артакс, она подождать может, – отмахнулась стряпуха. – С чужого плеча не хочется, а на портного время нужно – мерку снимать, шить. К тому ж, нам девочку вначале надо одеть...

– Девочку? – удивился я.

– Ой, да какую девочку? – фальшиво удивилась кухарка. – Это я так, оговорилась. Это я себя, дура такая, все девочкой называю. Пойду я, господин Артакс. Дел у меня много.

Курдула поспешно удалилась. Кажется, сболтнула что-то лишнее. Что это за девочка такая? Если у Томаса с Курдулой

есть дочь, то и лет ей должно быть столько же, сколько мне – далеко за сорок. Ну, может чуть-чуть помоложе. Но для родителей она все равно останется девочкой, будь ей хоть сорок, хоть шестьдесят.

Курдула ушла, а мне решительно нечем было себя занять. К изумлению хозяина отказался от завтрака. Навестил коняшек. Прошелся по городу с одного конца до другого, вернулся обратно. До обеда еще было далеко, да и есть после утреннего изобилия не хотелось. Посему, оседлал Гневко и решил прокатиться в сторону своего имения. Надо же мне было посмотреть, как там дела.

Не особо торопя гнедого, одолел путь не в пример быстрее, нежели пешком. И не устал! Но вот добраться без приключений не удалось. Когда выехал за городскую черту, миновал Чертову стену и въехал в перелесок, после которого начиналась дорога в усадьбу, увидел троих оборванцев, отбиравших корзинку у старухи. Мне не пришлось особо вглядываться, чтобы узнать Курдулу. Кухарка отчаянно сопротивлялась, но где ей против троих мужчин с дубинами...

– Гневко! – слегка прижал я колени к бокам коня, и он миг перешел с рыси на галоп.

Первого грабителя гнедой смахнул с пути, словно муху, второму я без затей разрубил голову. Третий, оказавшийся проворнее остальных, пустился бежать, но далеко не ушел – меч можно метнуть не хуже копыя, а с клинком между лопаток далеко не убежишь.

Соскользнув с седла, подбежал к старухе. Голова окровавлена, одна рука повисла, словно плеть. Но жива. И, что удивительно, в сознании и уже пытается встать на ноги.

– Лежи-лежи, – удержал я кухарку. – Давай-ка руку. Ну-ка, пальчиками пошевели. . .

Рука не сломана – это хорошо. Ушиб пройдет, а в ее возрасте переломы срастаются с трудом.

– А теперь глазки открой. . . Молодец!

Зрачки обычные, не расширены. Значит, дубинка попала вскользь. А если и есть сотрясение мозга, то небольшое.

– Гневко! – подозвал я коня.

Гнедой был занят. Обнаружив, что первый из разбойников подает признаки жизни, привстал на дыбы и припечатал его копытами. Убедившись, что дело сделано, подошел ко мне, повернувшись тем боком, на котором висела баклага с водой.

Я всегда вожу с собой воду. Пить из первого попавшегося ручейка, а уж тем паче из реки, может только самоубийца. Добрая четверть новобранцев погибает не от стрелы или меча, а от кровавого поноса. Посему, опытные солдаты предпочитали утолять жажду либо легким вином, либо пивом. Мне, не переносящему на дух ничего спиртосодержащего, приходилось искать чистый родник, или – а это чаще всего бывало, кипятить воду. Помнится, в начале военной карьеры это вызывало насмешки, потом – недоумение, а потом и уважение. Медная баклага, луженая оловом, мне обошлась

по стоимости среднего меча, но она того стоила. Вот и теперь – где бы я искал воду, если бы не баклага?

Напоив старуху и дав ей умыться, пошел за мечом. Вытащил, почистил лезвие и, конечно же, не удержался, чтобы не посмотреть – а нет ли у незадачливых грабителей чего-нибудь стоящего? Возможно, кто-то меня и осудит, но все, что взято в бою – боевые трофеи. Но если вы попытаетесь обратить мертвеца, убитого не вами – это уже мародерство.

Ничего дельного не нашел. Ножи из сырого железа, кривые дубинки. В общем-то, какие-то деньги можно выручить и за это, но тут я вспомнил, что собирать пфенниги мне не нужно.

Возвращаясь услышал, как воспрявшая духом Кардула выговаривает жеребцу:

– Ну, разве так можно? Ну, подъехали бы, разогнали. А вы... Наскочили и зарубили. А ты тоже хорош! Хрястнул копытом – и вся недолга! Весь в хозяина.

Гневко слышал, время от времени презрительно фыркая – мол, говори-говори, но что бы с тобой было, если бы не мы?

– Не помешаю? – осведомился я.

– Жестокий вы, господин Артакс, – поджала губы кухарка.

Я не стал спорить и что-то доказывать. Зачем? Спросил:

– До дома дойдешь? Ну, коли сможешь, берись за стремя, да и пошли потихоньку. На коня я тебя сажать не буду, не усидишь.

Не стал говорить, что гнедой не понесет на себе чужака,

пусть это и раненая старуха.

– Ох, а корзинка-то моя где? – всполошилась стряпуха. Увидев, что от корзинки, по которой кто-то прошелся – не то грабители, не то конь, остались одни лохмотья, а миски с остатками нашего завтрака превратились в черепки, горько вздохнула. Кажется, уже собралась порыдаться, но посмотрев на меня, передумала.

Мы шли очень медленно. Курдула держалась за стремя, а с другой стороны ее поддерживал я. Стряпуха обошлась бы и без моей помощи, но мне бы тогда пришлось сесть в седло. Будь кухарка здоровая – сел бы, а так, как-то неловко. Надо начинать привыкать.

– Они меня у торговца сырами углядели, – рассказывала кухарка. – Гномий-то сыр только богатые люди берут. И я-то дура такая, не догадалась, что худое удумали. Видела ж их. Ну, оборванцы и оборванцы. Кто ж его знал, что грабители?

– А что бы сделала, если бы догадалась? – усмехнулся я.

– Стала бы ждать кого, чтобы идти не одной. Из наших деревень народ все время туда-сюда ходит. Дождалась бы, да и пошли бы.

– Так и ограбили бы всех вместе, – усмехнулся я.

– Не, эти разбойники трусоватые. Они лишь на одиночек нападают. Нападали, – поправилась Курдула. – Троица эта, она тут давно промышляла.

– А что, их разве никто ловить не пытался? – удивился я. – Городская ратуша куда смотрит? Где власть-то ваша?

– Если бы они в Урштадт промышляли, их бы давно поймали и повесили, – пояснила кухарка. – Но они же нарочно тут обустроились. С тех пор как госпожа Йорген земли заложила, за порядком тут никто и не следит. Господин Мантиз в городе, чего ему сюда ездить? Он один раз в год своего помощника посылает, за рентой.

– Безвластие, получается?

– Теперь вы и будете власть. Мужики наши как узнали, что в усадьбе хозяин появился, очень обрадовались. У нас, почитай пять лет, как никакой власти. Ни суд вершить некому, ни воров-душегубов ловить. Чья земля – у того и власть.

Я замолчал, переваривая очередную новость. Мало мне будет забот с домом и хозяйством, так придется еще и во все сельские дела впрягаться? А с какой стати?

– Подожди, голубушка, – попытался я выяснить истину. – Земля, допустим, моя. Но крестьяне-то свободные. Они эту землю просто в аренду берут. Почему они сами свою власть не выберут? Ну, там, старосту или еще кого.

– Ну, старосты у нас в каждой деревне есть. Они арендную плату собирают, за порядком следят – чтобы дома в чистоте блюли, дороги. Опять же, общинные земли есть – лес там, выгоны для скота, которыми все пользуются. Нужно следить, чтобы лес рубили по правилам, а иначе без дерева остаться можно, да чтобы пастухов вовремя нанять. Мало ли, что они свободные. А дома-то стоят на вашей земле. И пашут они вашу землю. Тут уж все как раньше. Ну, разве что – продать

вы никого не можете, да до смерти запороть никого нельзя. Опять-таки – без согласия общины повесить вы никого не вправе.

– Получается – до смерти я запороть никого не могу, но выпороть вправе?

– А как иначе? – удивилась стряпуха. – Вы же суд будете вершить, а там без порки никак нельзя. Вон, на той неделе Герхард своему соседу Юзефу два зуба выбил. Он уже прибегал, спрашивал, когда к хозяину на суд Герхарда тащить? Можно и штраф назначить, но лучше розги. От штрафа-то вся семья пострадает, а от порки – только задница.

– А скажи-ка, Курдула, – решил я пошутить, – в первую брачную ночь невест к хозяину не приводят?

К моему удивлению, кухарка отнеслась к моей шутке серьезно.

– А тут, господин Артакс, даже не знаю, чего и сказать. При господах Йоргенах такого не было. Госпожа бы не позволила. А раньше было. Да, точно было. Но коли господин невесту в первую брачную ночь берет, то должен ей на хозяйство денег дать не меньше талера.

– Получается, девственность стоит талер! – хмыкнул я.

– Да какая сейчас девственность! – захохотала старуха. – Уже до свадьбы по сеновалам да по кустам лазят. На свадьбу порой идут – у невесты брюхо на нос лезет. Или в девках по-доле приносят. Куда это годиться? Нет, многие, конечно себя блюдут, – поправилась Курдула. – Но в наше время девство

все берегли, поголовно! Подожди-ка, господин Артакс, – забеспокоилась кухарка, переходя на ты. – А ты не право ли первой ночи хочешь?

– Нет, не хочу, – засмеялся я.

– Вот и правильно, – выдохнула старуха с облегчением. – Иначе, никаких талеров не напасешься. Девство – оно что? Тыфу. Сейчас оно есть, а потом нет. А на талер можно корову купить. Вот, поживете немного, женитесь. Вы, конечно, человек уже не молодой, но не старик еще. По вам видно, что силы девать некуда, на двух молодых хватит.

Под разговор я и не заметил, как мы дошли до усадьбы. В отличие от вчерашнего утра, тут суетились люди – ставились леса, а на крыше разбирали черепицу.

– Однако! – только и сказал я.

– Вы уж нас простите, господин Артакс, – повинилась кухарка. – Но как только вы ушли, мы с Томасом подумали и решили – а скажем-ка мы, что новый хозяин обещал хорошо заплатить. Вот, народ еще с вечера и набежал. Вы же ругаться не станете?

– Все правильно сделали, молодцы! – похвалил я кухарку и ее мужа.

– Рано еще хвалить – только работу начали. Вы уж деньгами-то направо-налево не бросайтесь. Увидят, какой вы щедрый, цены заломят. У нас народ такой.

– Договорились, – кивнул я. – Я даже могу с тобой советоваться – сколько кому платить.

Довольная кухарка кивнула, а я засомневался – сумасшедшая она или нет? Если судить по этой беседе – вполне себе здравомыслящая старуха.

Мы обогнули дом и подошли к флигелю. Я уже хотел распрощаться с кухаркой и отправляться к конюшне, как запахнулась дверь и оттуда выскочила девушка. Подбежав к Курдуле, обняла ее.

– Это господин Артакс, – представила меня кухарка.

– Здравствуйте, – поприветствовал я девушку. Подумав, поинтересовался: – Вероятно, фройляйн Йорген?

– Кэйтрин Йорген, – подтвердила Курдула с легким вздохом.

– Добрый вечер, господин Артакс, – поздоровалась девушка, цедя каждое слово сквозь мелкие зубы.

Я смотрел на фройляйн, она на меня. Кажется, оба остались недовольны. Передо мной была молодая особа, с тонкими губками и близко посаженными глазками. Плоская грудь под старым заштопаным платьем и вылинявший чепец обаяния не добавляли. Полагаю, фройляйн тоже узрела не рыцаря в сверкающих доспехах, а немолодого, давно не бритого солдата, одетого в потертый кожаный камзол и выдавшие виды серые штаны, пришедшего забрать ее дом.

– Схожу посмотрю, как там конюшня, – зачем-то сообщил я, хотя и не должен был отчитываться ни перед бывшей хозяйкой, ни перед служанкой.

Оставив женщин на пороге, кивнул гнедому – пошли, мол,

инспектировать.

Ремонтом конюшни мы с Гневко остались довольны. Дыры в стенах заделаны, плотники устанавливали новые ворота. И на крыше люди сидят, меняют черепицу. Если так дело пойдет, то и впрямь, к вечеру закончат.

– Здравствуйте, господин Артакс! – подскочил ко мне радостный Томас. Переведя взгляд на Гневко, расплылся в улыбке:

– Ух ты, какой красавец!

Мы с гнедым покосились друг на друга и кивнули. Наш человек! Разумеется, Гневко и так знал, что он красавец, но кому ж неприятно, если похвалят?

– Господин Артакс, а можно его погладить? – поинтересовался конюх.

«Ты как, не возражаешь?» – посмотрел я на Гневко, а когда тот раздул одну ноздрю, кивнул старику.

– Ох ты, какой красивый, статный! – ворковал конюх, оглаживая гриву и потирая бока жеребца. Гневко, к моей тайной ревности, просто-таки разомлел от ласки.

– Господин Артакс, может его расседлать? Пусть отдохнет. Устал, небось...

Гневко едва не заржал. Ему приходилось ходить под седлом целыми сутками. Бывало – у меня отваливалась задница, а ему – хоть бы хны. Все-таки, боевой конь, а не парадная кобыла для праздничных выездов.

Но расседлать коня разрешил. Мы никуда не спешили, а

мне было нужно посмотреть на Томаса за работой. Не так уж часто я набирал себе слуг.

Томас, довольно ловко для своих лет, расстегнул подпругу, снял седло. Провел ладонью по спине, крикнул:

– Чистенькая спинка, ни ссадин, ни потертостей. Молодец твой хозяин, бережет он тебя! А тут чего? Шрам! А вот и еще один! И еще... – Повернувшись ко мне, конюх укоризненно спросил: – Как же вы так, господин Артакс?

Я лишь развел руками. А что тут скажешь? В бою ведь не только мне перепадает, но и коню. И погибают кони значительно чаще, нежели всадники. И мой гнедой – что уж греха таить, жив до сего дня только потому, что его хозяин редко в атаки ходит, а больше командует. Виноват – теперь уже нужно говорить в прошедшем времени.

Гнедому же выговор конюха не понравился. Повернув голову к Томасу, слегка рыкнул:

– И-грр.

Получилось так убедительно, что Томас остолбенел. Очухавшись, конюх вытер вспотевший лоб. Поставив на место отвисшую челюсть, перевел дух. Покачивая от изумления головой, старик не сбежал, а принялся пошел осматривать копыта. Придирчиво осмотрел каждое, потрогал подковы, пощупал гвозди, поскреб – нет ли где затаившихся гнойников, остался доволен. Но дальше ему опять пришлось удивляться. Перекинув уздечку через голову коня, Томас потянулся к пряжке.

– Господин Артакс, а где мундштук?

Старик держал в руках уздечку, где все вроде бы было на месте – повод, ремешки, но почему-то отсутствовало грызло и кольца.

– Потеряли, – равнодушно ответил я. – А может, Гневко перекусил и выплюнул.

– Перекусил? А...

Кажется, Томас был скорее готов поверить, что жеребец способен перекусить грызло, нежели в то, что на узде его нет и никогда не было. Мы с жеребцом и так прекрасно понимаем друг друга, а чужое непонимание переживем. Зачем засовывать ему в рот железяку, причинявшую дикую боль?

Томас, внимательно осмотрел уздечку, понял-таки, что к чему и вымолвил:

– Я, господин Артакс, семьдесят с лишним лет на свете живу, но такого не видел.

– Так ты уже сам понял, что конь умница, – усмехнулся я.

– Да я не про коня, а про хозяина. Кони-то, они все разумные, а люди не очень.

– Все когда-нибудь бывает впервые, – хмыкнул я, повторяя расхожую мудрость. – Ладно, вы тут пока без меня побудьте, а я пошел. Да, вот еще что, – обернулся я к Томасу, – Оказывается, у вас живет дочь прежнего хозяина? С чего вдруг такая щедрость?

– Жалко девку. Дома лишилась, родственников нет, – вздохнул Томас. – А замуж ее кто возьмет? Бесприданница

и на рожу не шибко... Вот мы с Курдулой ее и приютили. Вы уж простите, что сразу не рассказали. Думали, вдруг да прогоните девку.

– А теперь думаешь – не прогоню?

– Вы – хозяин, – пожал плечами Томас. – Земля ваша и дом, где мы живем, он тоже ваш. Но я так скажу, что гнать не стоит. Убытков от нее нет. Вы же, вроде бы, нас с Курдулой на службу берете? Ну, коли мы при службе, то пока живы, Кэйтрин прокормим. Раньше-то хуже было.

– Как хоть и жили-то? – заинтересовался я.

– Да так вот и жили, – вздохнул старик. – Огородик у нас небольшой есть – репу с морковкой сажаем. Куриц пять штук. Ну, я еще наловчился силками голубей ловить. Курдулу иной раз стряпать звали – на свадьбы там, да на похороны. Меня мужики звали, если с лошадами что не так – ну, кобыла разродиться не может, болезнь какая. Бедствовали, конечно, но с голоду не умерли.

– А дочка хозяйская на вашей шее и сидела?

Верно, конюху не понравилась моя усмешка и он принялся защищать нахлебницу.

– Почему же на шее? Она, хоть и господская дочка, не белоручка. И стряпала и стирала. К тому ж, девка она головастая. Советы всегда дельные давала. Она же, когда фрау Йорген слегла, все хозяйство по дому на себе тянула. Народ говорит – это фройляйн Кэйтрин с ростовщиком торговалась. Мол, за усадьбу и землю он ей семьсот талеров отвалил, хоть

красная цена не больше трехсот.

«А Мантиз, злодей этакий, не постеснялся взять с меня целую тысячу!» – вяло посетовал я. Я до сих пор соизмерял здешние цены с теми, что были в Швабсонии. А там – или, как здесь говорят – по ту сторону гор, усадьба с землей потянула бы тысяч на сорок, а то и на пятьдесят.

– Господин Артакс, если вы не слишком спешите, можно я коня искупаю? – робко спросил Томас.

Возможно, старик и на самом деле хотел искупать гнедого, может просто хотел уйти от неприятного разговора. Что ж, не буду настаивать, да и Гневко никогда не возражал против купания.

Я вернулся к флигелю. Таковым его можно было бы назвать с большой натяжкой. Обыкновенный одноэтажный дом, не каменный даже, а фахверковый. Думается, флигелем называли для солидности. И, довольно-таки старый. У новых домов, сколько я помнил, деревянный каркас не торчит, а замазывается.

Задерживаться у входа и стучать я не стал, толкнул дверь.

Изнутри дом представлял собой именно то, о чем я думал. Единственная комната, с очагом посередине, грубый крестьянский стол, четыре тяжелых табурета, сундук и две лежанки. Одна, совсем узенькая, другая пошире. Здесь из каждого угла била нищета, но все было чисто.

Курдула лежала, а ее приживалка – или, как там правильной обозвать? – выжимала мокрую тряпку.

– Ну, как ты там? – грубовато поинтересовался я, усевшись на ближайший табурет.

Девица посмотрела на меня таким взглядом, что будь ее воля – испепелила бы. Конечно, вошел без спроса, уселся, не дожидаясь приглашения. В другое время она поставила бы на место наглеца, но пять лет голодной жизни чему-то научили. Курдула же, приподняв голову, сказала:

– Да все бы ничего, господин Артакс, да голова побаливает.

– Может, лекаря прислать? – поинтересовался я, хотя и так знал, каков будет ответ.

– Да зачем лекарь? – возмутилась старуха. – Голова и сама пройдет. Отлежусь до вечера.

– А рука? – настаивал я.

– Побаливает, опухла, но тоже ничего. Фройляйн Кэйтрин холодненькое приложила, уже лучше. Завтра и стряпать смогу.

– Ну, ты давай не торопись, выздоравливай. Спешить нам некуда, – поднялся я с места. Кивнул девице: – Пойдемте, фройляйн Йорген во двор. Пусть Курдула немного отдохнет.

Во дворике, куда мы вышли, я выцепил взглядом небольшую скамеечку, предложил:

– Присаживайтесь фройляйн.

– Я постою! – процедила девица сквозь зубы. Ясное дело – не хочет садиться рядом. Ну, ее право. А я не рыцарь и в присутствии женщины могу сидеть.

– Итак, фройляйн Йорген, – начал я, попытавшись устроиться поудобнее. – У меня к вам вопрос. Как вы собираетесь существовать дальше?

– А вам, скажите на милость, какая разница? – высокомерно изрекла дочь рыцаря.

– С одной стороны, никакой, – пожал я плечами. – Какое мне дело, кого мои слуги берут себе в приживалы? С другой, как хозяин усадьбы я должен знать, кто болтается на моей земле. Разве не так?

Наверное, лучше бы я ее ударил. Девушка прикусила губу, пытаясь сохранить величие королевы в изгнании, но из ее глаз потекли предательские ручейки. Решил ударить больнее:

– Думаю, фройляйн Йорген, что роль приживалки при слугах, когда в ваш бывший дом въедет новый хозяин, вас не устроит. Возможно, вы захотите поискать счастье в другом месте. Уверен, многие купцы в Урштадте захотят иметь у себя в доме служанку знатного рода.

– А тут вы ошибаетесь, мессир, – глухо ответила девушка.

Боже правый – вот это самообладание! Кажется, я уже довел девушку до слёз, а дальше следовало ожидать либо истерики, либо бегства от меня куда-нибудь в поля и луга, а вот поди ж ты... Отвечает, хоть и сквозь слезы, но с достоинством. А уж как пренебрежительно она проговорила «мессир».

– В чём ошибаюсь? – не понял я.

– В том, что купечество радо увидеть дочь рыцаря в каче-

стве прислуги. Я целый месяц обивала пороги и в Урштадте и в других городах. Искала любое место – служанки, горничной, даже прачки. Но везде получала отказ. Ну, разве что... – тут девушка замялась.

– Хозяйки борделя были готовы дать вам работу, – договорил я.

– Именно так. Одна маман даже сказала, что из-за моего знатного происхождения готовы смириться с моей козьей рожей, плоской грудью и кривыми ногами. Не знаю, – усмехнулась Кэйтрин, – как они ухитрились рассмотреть мои ноги?

– Как я понимаю, в бордель вы идти отказались, – резюмировал я.

– Лучше сдохнуть, – скривила фройляйн рот.

Эх, глупая барышня. Ты еще не понимаешь, как тебе повезло, что рядом оказались верные слуги и крыша над головой. Как бы запела, если бы действительно оказалась на улице? Если у женщины выбор – сдохнуть от голода или идти на панель, восемь из десяти отправляются на панель. Хотя, очень даже возможно, что Кэйтрин из двух оставшихся.

– А в монастырь не пробовали?

– В монастырь, господин Артакс, идут из-за веры, а не из-за куска хлеба, – отбрила она. – Я же пока не готова уйти из мира. – Смерив меня взглядом, фройляйн, поинтересовалась: – И, вообще, разговор с вами мне неприятен. Я, как вы выразились – являюсь приживалкой при бывших слугах, но

вам лично я ничем не обязана. И я устала от общения с вами.

– Я же вам предложил присесть, – хмыкнул я. – Фройляйн, наш разговор еще только начался.

Девушка, развернувшись, чтобы уйти, остановилась и посмотрела через плечо с неким любопытством.

– Я уже все сказала. Вещей у меня нет, собирать нечего. Прощаюсь со стариками и уйду.

– Мы еще не говорили о самом главном, – подавил я усмешку. – Или вы решили, что я затеял весь разговор лишь для того, чтобы оскорбить вас? – Не давая девушке открыть рот, мстительно добавил: – А я считал вас умнее...

От изумления, фройляйн Йорген присела рядом со мной. Спohватившись, слегка отодвинулась.

– Вы хотите предложить мне работу? Хотите, чтобы я осталась служанкой в своем собственном доме? Бывшем доме, – опустила она голову, но резко вскинула подбородок: – Если предложите, я останусь.

– Нет, фройляйн Йорген. Я хочу вам предложить стать моей женой, – сообщил я, изумляясь собственному предложению.

Идея обзавестись женой пришла мне в голову прямо сейчас, потому что, часом раньше, вызывая девушку на разговор, я хотел предложить ей должность экономки. Судя по словам Томаса – Кэйтрин Йорген прекрасно выполняла обязанности управляющего имением. Но управляющий в юбке – как не очень... Пусть она считается экономкой, но будет

управлять именем. И, даже пять минут назад я готов был признать ее экономкой. Всего лишь. Что же такое со мной случилось? На кой мне понадобилась жена?

Если изумился я сам, то что тут сказать о Кэйтрин? Сказал бы – сидела, словно громом пораженная, но это будет неверно. Гром, как учили меня когда-то – это всего лишь звук, а поражает молния.

– Господин Артакс, а вы в своем уме? – поинтересовалась девушка. – Вы меня видите первый раз в жизни.

– Это единственное, что вас смущает? – парировал я.

– Нет, не единственное, – опять прикусила губу Кэйтрин. – Меня много чего смущает.

– Мой возраст? Или дочь рыцаря не может выйти замуж за бывшего наемника?

– Нет. Разница в возрасте у нас с вами лет двадцать, может и больше. Но для мужчины быть старше женщины – ничего страшного. Мой отец был старше матушки на пятнадцать лет. Да и общественное положение, – усмехнулась она, – после пяти лет нищеты меня меньше всего смущает. Кого удивишь мезальянсом?

– Никого, – согласился я. – Нищая титулованная знать сплошь и рядом поправляет свои дела, отправляя дочерей замуж за богатых купцов, а нетитулованная – даже за ремесленников.

– Меня смущает другое, – продолжила девушка. – Вы меня не любите, а я вас...

Тут Кэйтрин слегка задумалась. Наверно, в начале нашего разговора в отношении меня у нее была ненависть, а потом презрение. Даже если и остались какие-то недобрые чувства (а они остались!), высказать их в лицо человеку, сделавшему предложение руки и сердца, язык у девицы не поворачивался. Пришлось придти ей на помощь.

– Ну, вы меня тоже не любите. Тем более, что я вас очень старался обидеть.

– Вы делали это нарочно? – изумилась девушка. – Кто же вы после этого... Вы – подлец.

Кэйтрин попыталась вскочить, но я удержал ее. Удивился, что силенок в этом тщедушном теле оказалось гораздо больше, чем ожидалось. Усадив девушку на место, спросил:

– Так вы мне так и не ответили – согласны вы или нет?

Кажется, Кэйтрин хотела плюнуть мне в лицо. Но удержалась. Спросила сквозь зубы:

– Разве можно выйти замуж за подлеца?

– Конечно можно, – ответил я, пожимая плечами. – Сколько женщин выходят замуж за подлецов, но узнают об этом слишком поздно? У вас, фройляйн, очень выигрышная ситуация – еще до свадьбы будете знать, кем является ваш будущий муж. Но могу вам сказать, что в большинстве своем – все мужчины подлецы и сволочи.

– Мой отец не был подлецом! И мой брат не был! – вскинулась девушка.

– Значит, бывают и исключения, – не стал я спорить. – Так

все же, фройляйн Кэйтрин, вы примете решение сразу или дать вам время?

– А если я скажу – нет, что тогда?

– Ничего, – пожал я плечами. – Если вы скажете нет, значит, вы скажете нет. Я немного поплачу, но ваш отказ как-нибудь переживу.

– Нет, господин Артакс, вы определенно не в своем уме, – покачала головой девушка.

– Все может быть, – согласился я. – Пока служил, меня столько раз били по голове, что немудрено было ее и повредить. Ну, а если серьезно, то отказать – ваше право. Разумеется, никто не будет вас выгонять. Живите. Но, боюсь, вам будет очень неуютно рядом с новым хозяином. Впрочем, если захотите уйти – ваше право. Я даже готов дать вам денег на первое время.

– Господин Артакс, мне надо подумать, – начала фройляйн, – я не могу сказать... Ой!

Перед нами появился седой старичок, одетый в короткие кожаные штаны, белую рубаху и замшевый жилет. Обычный старичок, не считая того, что роста в нем было не более четырех футов, а сивая борода почти касалась земли. В руке старикашка держал увесистую палку.

Справившись с первым испугом, я дружелюбно спросил:

– А ты что за чудо такое? Неужели тоже решил на ремонте подзаработать? Дедушка, давай я тебе денег просто так дам. Чего тебе на старости лет убиваться?

– Я вот тебе сейчас по лбу-то как засвечу, чтобы глупости не говорил! – замахнулся дед на меня. – Я на этом доме двести лет убиваюсь, а конца-края не видно.

– Ты, дедушка, лучше бы палками не махал, – начал я злиться. – А не то...

И тут я получил чувствительный тычок в бок от потенциальной невесты. Опешив от неожиданности, настороженно спросил:

– Фройляйн Кэйтрин, что это значит?

– Господин Артакс, помолчите, – огрызнулась девица.

Я послушно притих, изумленно хлопая глазами, а старичок дробно расхохотался. Отсмеявшись, сказал:

– Вот так-то лучше. Я ведь чего пришел-то? Пришел сказать, чтобы ты, девка, замуж за этого человека шла.

– А... – пискнула что-то Кэйтрин, а старичок немного рассерчал:

– Я тебе, дура дурацкая хоть раз худые советы давал? Я пять лет в пустом доме живу, стерегу. Наконец-то хозяина дождался! А надобно, чтобы и хозяйка была. Иди за него замуж, не кочевряжься. Не выйдешь – точно уйду. В городах дома строят, нам везде рады.

Погрозив на прощание палкой, старик пропал. Не ушел, не убежал, а просто исчез. Не то растворился в воздухе, не то провалился сквозь землю. Не поленившись, я встал, посмотрел, присел на корточки и пощупал землю. Никакой дыры или ямы, сплошная земля, поросшая лютиком с одуванчи-

ками. Есть еще кротовья нора, но старик в нее не пролезет.

– Хм... И куда старикашка подевался? – буркнул я. – Двести лет он тут убивается! Все кругом с ума посходили...

– Господин Артакс, – осторожно поинтересовалась девушка. – А вы что, никогда брауни не видели?

Я не сразу и понял – о чем это она говорит.

– Брауни? Это домового, что ли?

– Можно и так сказать. Говорят, раньше у них были коричневые волосы, из-за того и прозвали так – брауни. Но потом они поседели, а прозвище осталось. Нашего брауни только седым помнят.

– Думайте фройляйн Кэйтрин, не торопитесь с ответом, – заторопился я. – С Томасом и Курдулой посоветуйтесь.

Если бы я не видел старикашку своими глазами, не поверил бы... но, с другой стороны, день-то сегодня солнечный. Голову напекло, примерещилось. Нет уж, поеду-ка я лучше в город. Наверное, стоит отвлечься – побродить по лавкам, побывать у оружейника. Где там мой Гневко? И еще бы распорядиться, чтобы покойников закопали.

Глава третья. Невеста с претензиями

Я рассматривал часы, расставленные в передней комнате, а сзади, за открытыми дверями, трудились часовщики. Судя по топоту детских ножек, доносящихся сверху, второй этаж был жилым. Шуршание напильников, лязг кусачек и ядовитые испарения кислоты мешали выбирать товары, но что делать – в этом городе лавки размещались прямо в мастерских.

Несмотря на ограниченное пространство, выбор был на любой вкус – часы напольные и настольные, карманные и каретные. Глаза разбегались и решить, что же мне нужно, было трудно. Наконец, остановился на каминных часах. Мне они понравились – не слишком вычурные, в меру тяжелые. Подставка из зеленого камня, два бронзовых коня, поддерживающих циферблат. Чем-то они напоминали старинный герб – простой, без излишеств.

Представив, как в зимнюю стужу сажу перед камином, смотрю на языки пламени, а время от времени бросаю взгляд на циферблат, следя за минутной стрелкой, самодовольно усмехнулся. Теперь часы мне нужны не для того, чтобы не прозевать сигнал к атаке, а чтобы не пропустить обед! Стоп – почему я должен следить за временем? Нет уж, пусть кухарка накрывает на стол не по часам, а когда я захочу обедать!

В лавке не было приказчика, стремящегося навязать ненужный товар или помочь покупателю. Но когда выбор был сделан, словно прочитав мои мысли, из мастерской явился хозяин. И почему все считают, что часовщики субтильный народ? Этого мастера, да в тяжелую бы пехоту!

– Берете? – только и спросил он, а когда я кивнул, обозначил цену. – Десять талеров.

Я в раздумчивости потер подбородок (надо бы обзавестись бритвой или узнать, где тут ближайшая цирюльня), мысленно взвешивая тяжесть своего кошелька. Как на грех, там звенело талеров пять, с мелочью. Видимо, придется заезжать к Мантизу и брать деньги на «обзаведение хозяйством». Часовщик расценил мои сомнения иначе.

– Могу сбавить до восьми талеров. Крайняя цена – семь, но в этом случае до гостиницы довезете сами.

М-да, вот об этом я тоже не думал. Представив себе, как везу на гнедом каминные часы, развеселился. Да и зачем мне часы в гостинице? Пусть везут сами, а рассчитаюсь по прибытии товара.

– Скажите, любезный, а вы сможете доставить часы в мою усадьбу? – поинтересовался я. Уточнил. – Раньше она принадлежала Йоргенам.

– Вы, стало быть, местный, – с неким разочарованием протянул часовщик. – Так бы сразу и сказали.

– А что это меняет? – удивился я.

– Если вы здешний, цена за часы два талера.

– Странно, – удивился я. – Обычно, цены одинаковые – что для приезжих, что для местных.

– Ну, господин рыцарь, не скажите, – засмеялся часовщик. – Местные не купят часы за четыре талера.

Я чуть было не спросил – но вы же только что назвали другую сумму, но тут до меня дошло, что часовщик просто «заламывал» цену, чтобы дать пришлому купцу возможность поторговаться. А ведь окажись у меня при себе десять талеров – купил бы и не задумался. Подобная роскошь в Шваб-сонии обойдется талеров сорок, а то и больше.

– Значит, два талера – это с доставкой? – на всякий случай поинтересовался я.

– Ну да, – кивнул часовщик. – Усадьбу рыцаря Йоргена знаю. Я самолично все уложу, оберну, а сынишка доставит. Конечно, – замылся мастер, – вы можете сами забрать товар, но часы – хрупкая штука. И на дороге какие-то оборванцы шалят, могут ограбить. – Не дожидаясь ответа, мастер рявкнул: – Иоганн, серого запряги!

Я не успел спросить – а не боится ли мастер за ребенка, но когда к нам вышел «сынишка», лишь уважительно крякнул. Послушный сын кивнул и отправился выполнять приказ, а папаша крикнул вслед:

– И дубинку не забудь!

Посмотрев на меня, часовщик виновато развел руками:

– Он у меня непутевый, все норовит кулаком бить. Не понимает, что можно пальчики повредить.

Я опустил взгляд на руки мастера. Ну, если эти сардельки он называет пальчиками, то я уже и не знаю... И как они с тонкой работой справляются? Чудеса. Не стал говорить, что оборванцев можно не опасаться, вытащил кошелек:

– Вот деньги, а часики доставьте в усадьбу, оставите кому-нибудь из слуг.

Приняв монеты, часовщик посмотрел на меня с неким недоумением. Наверное ждал, что я начну торговаться и мы сойдемся на одном талере. Что ж, дам возможность людям подзаработать!

Мастер продает по четыре талера то, что потом перепродается по сорок! А почему бы ему самому не возить часы на продажу? И почему местные купцы не догадались скупать товар?

Неужели я самый умный? Конечно, далеко не дурак, но не стоит считать дурнее себя купцов, получающих прибыль из петушиного крика. Что служит препятствием для торговли? Пошлины, дурные дороги, война. Войны сейчас нет. Таможенные пошлины? Пусть владельцы государств накручивают какие угодно пошлины, но купцы все равно будут в выгоде. Часы-луковицы уйдут по цене бриллиантов, а часики-медальоны – еще дороже. Все королевские и герцогские дома Швабсонии выстроятся за ними в очередь. Возможно, дело в дороге. А что в ней не так? Дорога долго шла по ущелью, но мы с гнедым и Кургузым ее одолели без особых напрягов. Утомляло лишь то, что не попадались ни постоялые дворы,

ни трактиры. Хорошо, что прихватил толику провизии, да полмешка овса. Но я был один, а купец ради выгоды свой обоз и по бездорожью провезет, а надо – так и на пузе проползет.

Странные купцы в Урштадте. Ну, узнаю со временем, в чем тут дело.

Поставив Гневко в стойло, кивнул конюху, кланяющемуся мне до земли, пошел в гостиницу.

– Господин Артакс, постойте, – услышал я знакомый голос. Ну, конечно же, фройлейн Кэйтрин. Не иначе, решила дать согласие.

– Пройдемте ко мне? – предложил я. Спohватившись, что предложение может казаться для дочери рыцаря неприличным, уточнил. – Обещаю, что вашей чести ничто не грозит.

– Вот в этом-то я не сомневаюсь, – высокомерно ответствовала Кэйтрин. – Я беспокоюсь о вашей репутации. – Видя мое недоумение, уточнила: – Гостиничная прислуга сразу же разболтает – кто ходит в номер к богатому постояльцу. А мне не хочется, чтобы потом говорили, что у моего супруга дурной вкус. Уж если вести шлюху, то поприличней. Что мне потом скажут?

Я с трудом подавил даже не вздох, а крик души! Была надежда, что девушка откажется (очень-очень слабая, но была!). Сохраняя беспристрастность, спросил:

– Стало быть, вы приняли мое предложение?

– А у меня есть выбор? – скривила тонкие губы Кэйтрин. –

Жить при слугах – тошно. А тут еще и брауни.

– Брауни – это конечно да, – хмыкнул я.

– Да что вы понимаете? – вспылила девушка. – Брауни пять лет за домом следил, помогал старому Томасу латать дыры, менять черепицу! А сколько он нечисти отогнал?

– Ладно-ладно, – попытался я успокоить девушку. – Давайте ближе к делу. Вы согласны выйти за меня замуж, замечательно.

– Господин Артакс, сразу хочу сказать – я даю согласие только ради усадьбы и дома. Никаких чувств я к вам не питаю.

– И не надо, – добродушно отозвался я. – Должны быть какие-то формальности, кроме венчания? Мне бы самому не хотелось этим заниматься.

– Господин Артакс, давайте обсудим это не здесь, не на улице. Я пришла для того, чтобы потом не передумать. Теперь же, с вашего разрешения – или, без оногo, но я пойду.

– Э-э, фройляйн Кэйтрин, – начал я, но забыл, чего же хотел сказать. Вспомнил, что хотел предложить денег на новое платье, но передумал. Провожать она себя не позволит, а если ограбят? А, вспомнил.

– Я хотел сказать, что сегодня в усадьбу должны привезти часы.

– Какие часы? – не поняла Кэйтрин.

– Ну, такие, каминные, с двумя конями. Пусть Томас их выгрузит и поставит у себя.

– Томас закапывает ваших покойников. Подождите... Господин Артакс, а зачем вам каминные часы? Куда их ставить? В нашем... простите, в вашем доме, еще ремонта недели на две.

– Томас сказал – на неделю.

– Много конюх понимает в ремонтах, – фыркнула Кэйтрин. – Господский дом – это ему не конюшня. Неделя уйдет на то, чтобы починить стены, перекрыть крышу – черепица нужна новая, заменить половицы, вставить стекла. Брауни говорит, что придется перекладывать камин, а хорошо бы и кухонную печь. Дымоходы почти завалились. За пять лет уцелел лишь внешний облик дома. Куда вы поставите часы, если нет камина? На конюшню?

Я начал злиться. В кои-то веки купил что-то домашнее, чем не режут, не колют, не убивают (хотя, если кинуть эти часы со стены, то голова в панцирь провалится...), а тут замарашка в старом платье читает нотации.

– Ступайте домой фройляйн, – устало изрек я. – Завтра я приеду в усадьбу и мы обо всем поговорим. А часы, если хотите, поставьте на конюшне. Они бронзовые, ничего с ними не сделается. Считайте, что это подарок невесте.

Фройляйн ушла, держа спину прямо, словно кол проглотила. Я же, постоял немного, повздыхал и ушел в свой номер. Сняв сапоги, упал на постель, не раздеваясь, чего за мной не водилось. Лежал и смотрел в потолок, ломая голову – ну, зачем? Ну, кой чёрт дернул меня за язык, когда предложил

этой дурнушке выйти за меня замуж? Я же хотел спокойно дожить свой век, а вместо этого получил сплошную головную боль. Как женщина, фройляйн Кэйтрин меня не прельщала. Ну, нечему там прельщать. К тому ж, разница в возрасте была ощутима, а я никогда не западал на молодых женщин – бордели в расчет не беру, там и шестнадцатилетняя выглядит далеко за тридцать.

И куда мне деваться? Сказать – простите фройляйн, я передумал, было нельзя. При всех своих недостатках – а их у меня столько, что не один писец не возьмется перечислить, считал за собой одно лишь достоинство – умение хранить слово. За долгие годы привык, что меня самого можно предать и отношусь к этому с пониманием. Люди слабы и привыкли действовать так, как им выгодно, а не в силу взятых на себя обязательств. Но за собой я такого права не допускал. Умение держать данное слово – это единственное, за что я себя уважал. Отступишься от принципа один раз – значит, всё! Стало быть, мне отказаться от брака невозможно. С другой стороны, можно же сделать так, что фройляйн Йорген сама возьмет назад собственное слово. И это – очень даже реально, потому что девице нужен не я, а усадьба! Да черт с ним с именем, и с усадьбой, отдам фройляйн купчую и, пусть она делает с ней, что хочет!

На душе стало легче. В конце-концов у меня остается уйма денег. Больше, чем я смогу истратить за всю жизнь. А уж по здешним-то ценам – так и за две жизни. Куплю себе ма-

ленький дом. Чтобы была лишь спальня с гостиной, а еще кухня. Хотел когда-то иметь библиотеку – обойдусь. Книги могут постоять и в гостиной. Или – зачем мне гостиная, если я не собираюсь водить гостей? Найму приходящую кухарку – она будет стряпать, вытирать пыль. А, нет уж, никаких слуг. Буду заказывать завтраки-обеда-ужины в трактире, а уборку в доме могу сделать и сам. При доме конюшня, на одного скакуна. С гнедым я и сам управлюсь. Накормлю-напою-вычищу и навоз вывезу. А что же делать с Кургузым? Вроде, решил оставить мерина при себе. Стало быть, конюшня на двух лошадей. И навоз убирать за двоих...

И вообще – зачем мне свой дом? Жить по постоянным дворам, гостиницам и трактирам, не задумываясь – кто будет стирать белье, менять простыни, готовить обед, гораздо проще. Не спорю – это дороже, но если есть деньги, чего их считать? Может, остаться в гостинице, на положении постоянного постояльца? Как интересно звучит – «постоянный постоялец». Слова схожие, а смысл разный!

Идея с гостиницей мне понравилась. А возможность отказаться от свадьбы – еще больше. Не выдержав, я вскочил и через несколько минут мы с Гневко уже скакали в сторону усадьбы.

В усадьбу мы явились в тот момент, когда здоровяк Иоганн и мрачная Кэйтрин снимали часы с повозки. Гневко, сообразивший, что я не горю желанием таскать тяжести, перешел с галопа на такой медленный шаг, что пока мы доби-

рались до флигеля, помогать уже было поздно.

Спешившись, любовался на кроткого ослика, запряженного в повозку, решил пройтись до конюшни. Вряд ли там что-то изменилось, но нужно чем-то занять время, пока Кэйтрин пристраивает свой подарок. Места во флигеле немного, но пара футов найдется.

Я успел пройти шагов пять, не больше, как за спиной раздалось презрительное ржание Гневко. Видимо, гнедой сказал что-то нехорошее про ослиную маму – в ответ послышался обиженный рёв. И, как всегда, пока уши слушали, тело спасалось – я резво припустился к конюшне и прижался к стене. Вовремя. Осел, растопырив копыта, прижал башку к земле и, приподняв задницу вместе с тележкой, кинулся на обидчика. Лопнула хлипкая веревка, тележка опрокинулась набок, а длинноухий, открыв пасть, бросился на гнедого с намерением закусать того до смерти.

И тут я пережил величайшее изумление – боевой конь в полном расцвете сил, переживший за свою жизнь две войны, восемь атак рыцарской конницы, четыре взятых города и, невесть какое количество мелких стычек, пустился наутек. Моя челюсть еще не вернулась на место, когда я понял, что это было не бегство, а тактическое отступление: Гневко рванул не куда попало, а в зазор между двумя сараями. Конь проскочил, а вот осел, волочивший за собой опрокинутую тележку, застрял.

Осёл орал, словно его резали живьем, пытался вырваться

из капкана, но не смог. Гнедой же, проявив чудеса благородства, не стал бить застрявшего врага (попытался, но понял, что не дотянется...), обогнул сарай и подошел ко мне.

На вопли осла прибежал хозяин.

– Что это с ним? – удивленно спросил сын часовщика. – Серый, ты что, взбесился?

Осёл продолжал орать. Наверное, жаловался хозяину на судьбу, но тот его не понимал. Гнедой презрительно оттопырил нижнюю губу – мол, взбесишься тут, от такой жизни. Но признаваться, что он приложил копыто к заманиванию осла в капкан, не стал. А я, конечно же, не стал выдавать гнедого. Ему хоть какое-то развлечение. В конце-концов, длинноухий должен был соизмерять свои силы, а не кидаться в драку.

Йоганн попытался вытянуть осла. Увы, серый застрял так крепко, что младшему часовщику пришлось протискиваться между сараями, распрягать несчастное животное, вытаскивать его... Тележку извлекали по частям. Сам же страдалец (не часовщик, а осел), хоть и бросал свирепые взгляды на жеребца, но мстить не отважился. Может, слегка поумнел.

Мне было немного неловко перед парнем, пострадавшим по милости моего коня, но лишь самую малость. Все же, я переплатил за часы целый талер, так что имел полное право на маленькое развлечение.

Сразу приступать к разговору с Кэйтрин я не стал. Успею. Отправив Гневко пастись, пошел посмотреть – как там дела с ремонтом моего дома. Пока еще моего.

Там было на что посмотреть. Возле дома суетился народ – мужики везли на тачках глину, бабы ее топтали ногами. Откуда-то появился Томас, верно, успевший прикопать трупы давешних грабителей и радостно доложил, что черепицы понадобится много, потому дешевле купить приспособление для изготовления, нежели возить в усадьбу. Насколько дешевле, мне было все равно, но посмотреть, что за приспособление, было любопытно.

Раньше я думал, что черепицу делают так же, как кирпичи – берут форму, забивают глиной, переворачивают, подсушивают на солнце, потом обжигают. Тут все хитрее. Наличествовал винтовой пресс и бочка. В бочку закладывали жидкую глину, закручивали винт. Очень похоже на выдавливание сока, только вместо дырок снизу была узкая щель, из которой выползала красно-коричневая лента. Мальчонка, бывший на подхвате, ловко разрезал ленту на ровные кусочки, прокалывал в них дырочки и складывал прямоугольники на деревянный поддон.

– А что потом? – заинтересовался я.

– А потом высушим, сложим в печь и будем обжигать дня два, – сообщил Томас. Зажмурившись, старик доверительно сообщил: – Это же какая красота – дом белый, крыша красная. И конюшня такая же. Все, как в прежние времена! Еще бы и флигель подремонтировать. По осени крыша течет – спасу нет.

– Так в чем же дело? – пожал я плечами. – Ремонтируй. А

заодно и сараи. Пускай все здесь будет белое и красное.

– А ставни у окон? – забеспокоился старик.

– Ставни... – призадумался я. Да, а какие должны быть ставни? Зеленые? Черные? Не придумав, нашел-таки выход: – А про ставни ты у фройляйн Кэйтрин спроси.

– Спрошу, – часто-часто закивал Томас. Потом, слегка помявшись, сказал: – Вы, господин Артакс, правильно сделали, что ее в жены решили взять.

– Не пожалеть бы, – усмехнулся я. – Языкастая, что твоя Курдула.

– Что да, то да, – согласился Томас. – Норов у девки, как у кобылы неезженной. Фройляйн Кэйтрин с самого детства была стервочкой. Выросла, стала большой стервой. Но голова у нее соображает и добрая очень. Зато красотой ее Бог обидел, а это для семейной жизни хорошо.

– Это почему? – заинтересовался я.

– От красоты, господин Артакс, одни хлопоты, – авторитетно заявил Томас. – Ежели, баба у мужика красивая, за ней глаз да глаз нужен. Чем красивее – тем слабее на передок. Чуть отвернешься, так ей уже кто-нить юбку заворачивает. Вон, Курдула моя, по молодости-то хороша была, а сучка та еще. Как задержусь – вмиг у нее кто-нибудь между ног шустрит, только задница сверкает. Уж сколько я блудодеев с нее снимал, сколько черепушек о стенку разбил – а все нейметя. А сколько удрать успели? И ее бил, синяя вся ходила, а что толку? Раза четыре убить хотел, да жалко становилось.

Только как постарела, так и угомонилась. Так что, господин Артакс, для семейной жизни супружница поплоче нужна. И рога не наставит и благодарна будет. А рожа уродлива, так ничего. Днем на рожу можно и не смотреть, а ночью не видно.

Рассуждения Томаса меня повеселили. Но в них был свой резон. Жена, приносящая мужу свою молодость, приносила в приданое еще и рога. И, чем старше муж, тем ветвистее. А ведь это еще одна причина, почему мне следовало отказаться от свадьбы. Кэйтрин некрасива, зато молода. А еще, есть в ней что-то такое, что заставляет уважать девушку. Для записного ловеласа этого будет достаточно, а как поведет себя Кэйтрин? Не исключено, что и поведется... Спрашивается – мне это надо? Придется тогда убивать любовников или жену. Лучше жену. Проще один раз убить жену, чем каждый раз убивать очередного любовника.

С таким настроением я и отправился отыскивать невесту, благо, предполагал, где она могла быть.

Во флигеле, где и так-то было темно, летали пух и перья, заслоняя собой единственное окно. Конечно же, у меня засвербело в носу.

– Ап-ччи! – поприветствовал я женщин.

– Будьте здоровы, господин Артакс, – почти сердечно поприветствовала меня Курдула, а фройляйн сурово промолчала.

– Благодарю вас, – церемонно склонил я голову. – Апч-

ччихи...

Фройляйн Кэйтрин и Курдула были заняты странным делом – набивали пухом крошечные подушечки. Прочихавшись, я не удержался от вопроса:

– Это для кого, для кота?

– Это, господин Артакс, одеяло пуховое будет, – сдержанно отозвалась Курдула. – Подушечки вместе сшиваются, плотно-плотно, потом – пододеяльник сверху. И будет замечательное одеяло! Мы уж лет пять пух копили, думали – а вдруг да приданое придется шить. Слава-те Господи, дождалась!

– А кому приданое-то? – брякнул я.

Вопрос был глупым. Жених – то есть я, должен соображать, что невеста обязана принести что-то в дом. Не только будущие рога, о которых я вспомнил, но и что-то более полезное в хозяйстве.

– Так верно, не мне, – хмыкнула кухарка. – Я свое приданое уже давно истремила.

«Наслышан!», – хмыкнул я про себя, но вслух сказал:

– Вижу, что оклемалась, молодец. Ты бы сходила к Томасу, посмотрела – не утомился ли.

– Вы, господин Артакс, так прямо и скажите – пошла вон, дура старая, нам поговорить нужно, – встала кухарка.

– Курдула, сядь на место! – прикрикнула фройляйн. – Я тебя никуда не отпускала.

Курдула замерла в нерешительности, но когда я кивнул

ей на дверь, послушалась меня, а не свою бывшую хозяйку. Интересно, как старики ее до сих пор не придушили?

Я прошелся по комнате – два шага вперед, полтора назад. Полюбовавшись на каминные часы, словно присыпанные снегом, изрек:

– Хорошие они люди, ваши бывшие слуги. Другие бы не вытерпели.

– Слуги должны знать свое место, – горделиво произнесла девица. – Знатные люди остаются знатными при любых условиях! Шваль остается швалью даже выплыв наверх.

Я почувствовал, как во мне просыпается ярость. Я полагал, что эта девчонка заслуживает уважения за то, что она отчаянно пытается выжить и остаться человеком! А она... Да она просто маленькая спесивая дрянь! Захотелось ухватить фройляйн за шиворот, задрать ей подол, завалить на эту жуткую постель и выдрать ее. Но я не дожил бы до своих лет, если бы позволял ярости управлять собой. К тому же – ну, что греха таить, не знаю, как бы я поступил при виде девичьей попы. Взять силой женщину – не велик подвиг. А что потом? А вот потом мне бы точно пришлось жениться на фройляйн Йорген и, никакие уловки бы не сработали.

– По поводу швали, я абсолютно с вами согласен, – изрек я, пряча злость под гадкой ухмылкой. – Из упавших в грязь мало кто способен очиститься...

– Потому что грязь пачкает не только одежду и тело, но проникает в человеческие поры, – сквозь зубы продолжила

девица пришедшую мне на ум цитату. Стало быть, рыцарь Йорген учил дочь философии? Занятно.

– Именно! – поддакнул я. – Слышал я как-то эту фразу от одного проповедника. Умный, собака, хоть и пьяница. Енотом его звали.

– Это говорил Енох Спидекур – величайший мудрец современности, – с придыханием сообщила девица. – Его можно поставить в ряд с Платоном, Аристотелем и Тертинусом-младшим.

– Да? – недоверчиво протянул я. – А я-то думал – это мой приятель Енот сочинил. Он, как напьется, та-кие перлы выдавал!

– Приятель... – презрительно фыркнула девица, осматривая меня с головы до ног, словно бы видела в первый раз. – Сомневаюсь, что ваши приятели на трезвую голову способны сочинить хотя бы строчку.

А вот тут она попала в самую точку! Мой университетский приятель Енох Спидекур, прозванный Енотом за вытянутую рожицу и узкие глазки, все свои сочинения писал только в подпитии. Врать не стану, пьяным до поросячьего визга его никто не видел, а трезвым – тем более. Говорят, именно он считал шары на защите моей магистерской диссертации. Сам я не помню... Верно, белые у него двоились, а черные куда-то запропастились. Спидекура я не видел лет двадцать пять. После университета наши пути разошлись. Я подался в наемники, покрыв родовой герб позором, а он стал

светилом науки.

– Господин Артакс, – вмешалась в мои воспоминания фройляйн Кэйтрин. – Вы хотели со мной поговорить? Я вас внимательно слушаю.

– Не знаю, с чего бы начать, – честно признался я, усаживаясь подальше от фройляйн.

– Верно, вы хотите обсудить сроки свадьбы? Мне кажется, с этим не стоит спешить. Мне нужно сшить свадебное платье. Опять же, – кивнула Кэйтрин на пуховые подушечки, – нужно принести в дом хоть какое-то приданое. Понимаю, что с вашими деньгами купить можно все, но есть еще и традиции. Обычно приданое запасают лет с десяти. Когда были живы мои родители, мое приданое занимало пять сундуков!

– Фройляйн, вы мне сказали, что готовы выйти за меня замуж только ради усадьбы?

– Если у вас плохо со слухом, могу еще раз это повторить.

– Стало быть, если вы получите усадьбу, то я вам не нужен? – уточнил я.

– Что вы этим хотите сказать? – насторожилась Кэйтрин.

– Да ничего особенного, – пожал я плечами. Вытащив из сумки купчую, бросил ее на постель. – Вот, фройляйн Йорген, это ваша усадьба. Забирайте ее с домом, конюшней и всеми потрохами в придачу.

Фройляйн Йорген недоверчиво взяла в руки бумаги. Полистала все три страницы – саму купчую, где оставались

автографы фрау Йорген и ростовщика, реестр с описанием недвижимого имущества. Сглотнула...

– Господин Артакс, нужно сделать передаточную надпись. Надеюсь, вы умеете писать?

Я сделал обиженный вид:

– Фройляйн Йорген, судите сами – на кой хрен мне писать? Все, что мне нужно было – поставить крестик, когда выдавали жалованье.

– Ну, ничего, – отмахнулась фройляйн. – Сама напишу.

Фройляйн опустила на колени. Я испугался – не передо мной ли, но оказалось, ей нужно было извлечь из-под кровати небольшой сундучок. Вытащив из тряпок и игрушек бурю склянку, девица глухо застонала. За столько лет чернила успели высохнуть.

Фройляйн Кэйтрин кинулась к очагу. Вытащив комок сажи, помяла, поплевала в ладонь. Ткнула туда пальцем, мазнула по полу – проба пера! – потом по табурету.

– Вот и чернила! – торжествуя продемонстрировала фройляйн чёрную полосу. – А перьев у нас много. Сейчас очиню.

– Не пойдет, – вздохнул я, досадуя, что сам не подумал о такой малости – запастись какой-нибудь склянкой чернил. – Высохнет, осыплется.

Конечно, девица мне не поверила. Пришлось ждать, пока полоска не высохнет и провести по ней ладонью. Ладонь стала черной, табурет чистым. Насколько я помню, сажа для

изготовления чернил не годится, иначе школяры и студियोзы тратили бы деньги лишь на вино.

– А если кровью? – в отчаянии предложила фройляйн. Закатав рукав, потребовала: – Дайте кинжал!

– Нет уж, любезная фройляйн, – прикрыл я рукоятку. – Чужой кровью бумаги не подписывают, а свою я не дам. Да и глупо, кровь тратить.

– И что делать? – растерялась Кэйтрин.

– Да ничего не делать, – буркнул я. – Бумаги я оставляю вам. Коль скоро они у вас – вы владелица земли и домов. Можете кинуть купчую в огонь, вставить в рамочку. Или, чтобы соблюсти все процедуры – завтра приедете в Талле, найдем чернила – все подпишу. Даже у стряпчего можно заверить.

Оставив документы обалдевшей от счастья фройляйн, я, ужасно довольный разрешившейся ситуацией, поспешил уйти.

Вернувшись в Урштадт, я думал, как бы мне отпраздновать свое избавление от хомута, но придумать ничего не сумел. Ограничился лишь походом к цирюльнику.

Как отыскать брадобрюя мне подсказали хорошие люди. В этом городе не было привычных багровых тряпок, развевавшихся над цирюльней, а существовали особые вывески – красно-белые столбики.

Брадобрей был занят – выдирал очередному страдальцу коренной зуб, а за занавеской полулежал тучный бюргер, ожидавший очереди на отвертывание крови из вены.

Ждать мне не хотелось и, потому, дошел до лавки, где торговали всякой всячиной, включая бритвенные принадлежности, купив-таки то, что давно собирался приобрести – небольшой медный тазик и острейшую бритву. В прежние времена эти «приспособления» мне были не нужны – зачем таскать лишнюю тяжесть, если есть кинжал? А тут, решил-ся-таки.

Я гордо поставил приобретение в номере и потратил целый час, чтобы придать голове привычный шарообразный вид, а не облик ежа со шрамами.

Утром следующего дня в мою дверь робко постучали – так стучит хозяин гостиницы. Странно. Мы с ним договаривались, что завтрак мне подают по моему сигналу, а никак иначе.

– Что у тебя? – поинтересовался я, зевая от всей души.

– Господин Артакс, к вам посетительница, – виновато сказал хозяин. – Сказала, по срочному делу. Говорит – ее зовут фройляйн Йорген.

– Так пусть заходит, – зевнул я еще раз.

– А...? – открыл рот хозяин, кивая на мою постель.

Я скосил глаза. Ну, постель не заправлена и подушке лежит голова с длинными волосами. Но все остальное-то прикрыто! Вчера, обрадовавшись избавлению от свадьбы, взял к себе девушку, рекомендованную хозяином.

– Может, выгнать? – предложил хозяин, уже делая шаг. – Эй, Лота!

– Пусть спит, – одернул я. – Проснется – сама уйдет.

– Так ведь фройляйн – дочь рыцаря Йоргена! – вытаращил глаза хозяин. – А Йоргены – родичи самому герцогу. Мы уж про фройляйн Кэйтрин и думать забыли, верно, у герцога жила, а теперь имение хочет выкупить. Узнала, где вы обитаете, вот и пришла. Придет благородная девица, а у вас шлюха в постели...

Я усмехнулся. Положив руку на плечо хозяина, слегка нажал и тихонько сказал:

– Друг мой, ты сам вчера говорил, что Лота не шлюха. Мол, жених ее девственности до свадьбы лишил, бросил, а теперь ей деваться некуда. Было такое?

– Б-было... – проскулил хозяин. – Но я же, как лучше хотел. Никто не хочет со шлюхами спать.

– Ладно, прощаю, – милостиво разжал я руку. – Фройляйн веди сюда, а белье ты сегодня же новое постелешь.

– Так ведь недавно стелили, как вы заехали! Еще и недели не прошло! – попытался возразить хозяин, но оценив мое недовольное лицо, скорбно умолк. Он же прекрасно понимал, что его гостиница не единственная в городе.

– А фройляйн во что одета? – заинтересовался я. Неужели явилась в драных лохмотьях?

– Как положено одета, – пожал плечами хозяин. – Скромненько, но как сироте иначе? Не в шелках да бархатах щеголять.

Очень даже любопытно. Не иначе, фройляйн успела по-

шить себе платье. Интересно, где денег взяла? А, вспомнил... Старуха же сказала – надо вначале девочку одеть. Ну, посмотрим.

– Господин Артакс, вы бы хоть штаны на себя надели! – чуть ли не со слезой в голосе возопил хозяин.

Точно, надо надеть штаны. Неприлично предстать перед юной особой в нижнем белье.

Платье простое, из недорогого серого сукна, но новое, еще не обмятое. Вон, плечами поводит – не привыкла. И на голове не бесформенный старушечий чепец, а что-то вроде помеси чепца и шляпы. Как там его – капор, что ли?

В новом платье фройляйн выглядела более привлекательно. Встретил бы я ее на улице, принял бы за дочку бюргера. Вон, на пальчике какое-то дешевое колечко. Единственное, что портило облик – истертый до белизны сундучок для бумаг, более присущий стряпчему.

– Доброе утро, господин Артакс, – поприветствовала меня девица, вытаскивая из сундучка купчую и чернильницу. – Передаточную надпись я сделала на отдельном листе, вам осталось только поставить подпись. Или крестик...

– Ага, – кивнул я, взяв перо. – Шас крестик нарисую.

Так, что там она написала? Делая вид, что ищу место, куда ткнуть перышко, быстренько прочитал: *«Я, Юджин Артакс, находясь в здравом уме и твердой памяти переидаю девице Кэйтрин Йорген свое недвижимое имущество, именуемого усадьбой Анфельгартен».*

Ну, кто учил девицу грамматике? И с каких пор именование стало называться Апфельгартеном? Хотел возмутиться, но вспомнил, что я неграмотный. По сути – все правильно, а ошибки не в счет. Размашисто нарисовал две скрещенные палочки, с облегчением вытер пот со лба. Ну, вроде бы все. Вернув фройляйн Йорген купчую и орудие труда, подождал, пока она не уберет все в сундучок и, осторожно взяв девицу под острый локоть, чтобы скорее выпроводить.

– Постойте, господин Артакс, – резко выдернула руку дочь рыцаря. – Теперь, когда сделано главное, я хочу вас спросить... Вот, это вот, что такое? – кивнула девица на мою постель.

– А вы что, сами не видите? – удивился я.

– Потому и спрашиваю – что в вашей постели делает шлюха?

– В данный момент она спит, – простодушно ответил я. Хотел сказать, что девушка поздно легла, но не стал. Зачем фройляйн пикантные подробности?

– Я вижу, что спит. Но я хочу знать – что она делает!

Ну, пойми этих женщин. Никакой логики!

– Да какое вам дело, кто пребывает в моей постели?

– Господин Артакс, я понимаю, что все мужчины – ну, или почти все, похотливые свиньи, но вы могли бы не демонстрировать уличных девок перед невестой.

– Перед кем? – обомлел я. Взяв себя в руки, веско изрек: – Фройляйн, мы же вчера с вами договорились...

– О чём мы договорились? Вы вчера уступили усадьбу Апфельгартен, не спорю. Но мое слово остается в силе. Впрочем, если вы отказываетесь на мне жениться, я буду только рада, – улыбнулась Кэйтрин, обнажив мелкие зубы. – Вы отказываетесь?

Потихоньку я начал злиться.

– Любезная фройляйн, вчера вы мне дали понять, что не желаете выходить за меня замуж. Я вернул вам ваше родовое гнездо. Так какого... черта вам еще нужно? Может, дать денег? Сколько вам нужно? – с надеждой посмотрел я на девушку.

– В моем роду не принято отказываться от своих слов, – высокомерно вскинула нос фройляйн. – Если девица из рода Йоргенов отдала свою руку и сердце – значит она их отдала. Так вы отказываетесь от своего предложения?

Я сделал последнюю попытку.

– Скажите, а шлюха в моей постели, это не основание для расторжения помолвки? Вы можете с чистой совестью взять свое слово назад.

– Нет, господин Артакс, – серьезно сказала Кэйтрин. – С кем вы сейчас спите – это ваше личное дело. Вы мне глубоко омерзительны, но слово есть слово.

Я чуть не взвыл! Да что б тебя приподняло и стукнуло, со своей верностью слову! И откуда такие дуры берутся? Наверное, оттуда, откуда такие же дураки, как я.

– Увы, фройлейн, – помотал я головой. – У меня тоже нет

обыкновения брать назад собственное слово.

– Жаль, – вздохнула фройляйн. Добавила с грустью: – Очень жаль. Значит, придется нам становиться мужем и женой. Честно говоря, не хотелось бы делить с вами постель!

– Можете спать отдельно, – хмыкнул я. – Хотите, я дам вам слово, что не зайду в вашу спальню?

– Хочу, – поспешно сказала фройляйн Кэйтрин.

– Считайте, что вы его получили. Надеюсь, теперь все?

– Почти все, – кивнула фройляйн. – Теперь нам осталось договориться о свадьбе.

– Фройляйн, будьте добры – все хлопоты на ваше усмотрение! – почти проскулил я. – Я все равно ничего не смыслю в этих делах.

– Хорошо, – согласилась фройляйн. – Первое, что нужно сделать – пойти к ювелиру и купить мне кольцо. Ну и себе заодно.

– А без меня никак? – грустно поинтересовался я. – Можно, я просто дам денег?

– Нет, – твердо заявила Кэйтрин. – Это единственное, что вы обязаны сделать сами и без меня. Возьмите.

Фройляйн стянула с пальца колечко, протянула мне. Принимая его, я вздохнул. А куда же теперь деваться? Колечко было железное, словно из деревенской кузницы. Наверное, мудрая фройляйн специально сделала образец. Чтобы не потерять, пристроил его на мизинец.

– Со свадьбой торопиться не будем, – твердо заявила

фройляйн. – Вначале вы должны отремонтировать дом, чтобы ввести в него молодую жену. А мне нужно подготовить приданое.

– Подождите, любезная фройляйн, – злорадно усмехнулся я. – Хозяйка усадьбы – как вы ее обозвали – Апфельгартен? – теперь вы. Так, что – занимайтесь ремонтом сами!

– Нет, господин Артакс, – ответно усмехнулась дочь рыцаря. – Я не могу принять столь ценный подарок.

Вытащив из сундучка купчую, отделила от нее первый лист, где красовалась передаточная надпись с орфографическими ошибками и моя «подпись», разорвала на мелкие кусочки. Саму купчую положила на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.